

Русская литература

№ 3

Историко-литературный журнал

2007

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Г. А. Тиме. О феномене русского путешествия в Европу. Генезис и литературный жанр	3
В. Н. Захаров. Проблема жанра в «школе» Бахтина (М. М. Бахтин, П. Н. Медведев, В. Н. Волошинов)	19
О. В. Сливницкая. «Зло в хорошем человеке»: об одном монологе Пьера, снятом в последней редакции	31

ИЗ ИСТОРИИ ПУШКИНСКОГО ДОМА

Н. Ю. Меньшенина. Коллекции П. Я. Дашкова и Пушкинский Дом	43

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

А. А. Костин. «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева в иллюстрациях (1909—2005)	49
А. В. Петров. «Опыт исторического словаря о российских писателях» Н. И. Новикова и «Пантеон российских авторов» Н. М. Карамзина	61
И. В. Коцменко. «Нравоучительные четверостишия» Н. М. Языкова и А. С. Пушкина (к вопросу об авторстве)	76
Письма А. И. Кошелева И. В. Киреевскому (вступительная заметка, подготовка текста и комментарии Е. В. Лудиловой)	91
М. И. Медовой. Кто автор хвалебной песни К. Брюллову	116
Н. А. Николаева. Стоические идеи в романе Л. Толстого «Война и мир»	120
Переписка А. М. Ремизова и К. И. Чуковского (вступительная статья, подготовка текста и комментарии И. Ф. Даниловой и Е. В. Ивановой)	132

Пак Сун Юн (<i>Республика Корея</i>). Проблема бытия—небытия в раннем творчестве О. Мандельштама (к рецепции философии А. Бергсона)	181
Т. Ф. Нешумова . Из комментариев к поэтическим текстам 1920—1930-х годов (Осип Мандельштам, Владислав Ходасевич, Дмитрий Усов, Борис Пастернак)	187
Л. М. Солдатова . Пушкинский юбилей 1937 года за границей. Литература и политика (по материалам Государственного архива Российской Федерации)	201
О. Е. Рубинчик . Оглянувшиеся (Анна Ахматова, Марк Шагал и Рахиль Баумволь)	215
Е. Д. Богатырева . Французская пушкиниана конца XX—начала XXI века: преодоление стереотипов	223

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

К. Ю. Лаппо-Данилевский . Из двух углов Европы (Вячеслав Иванов и С. М. Боура)	232
М. Ф. Уланова . Фестшрифт в честь О. Раевской-Хьюз и Р. Хьюза	233
Е. Д. Кукушкина . Сборник статей по книговедению	239

ХРОНИКА

В. С. Федоров . Международная научная конференция «Михаил Булгаков в XXI веке. К 40-летию выхода в свет романа „Мастер и Маргарита”»	243
М. Ю. Белянин, А. С. Кондратьев . Международная научная конференция «„Липецкий потоп” и пути развития русской литературы»	253

Журнал издается под руководством Отделения
историко-филологических наук РАН

Главный редактор *Н. Н. СКАТОВ*

Редакционная коллегия:

Е. В. АНИСИМОВ, Д. М. БУЛАНИН, Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, В. Я. ГРЕЧНЕВ, И. Ф. ДАНИЛОВА (отв. секретарь редакции),
Н. Н. КАЗАНСКИЙ, В. А. КОТЕЛЬНИКОВ, Н. Д. КОЧЕТКОВА, А. В. ЛАВРОВ,
Ю. М. ПРОЗОРОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Т. С. ЦАРЬКОВА

Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4.
Телефон/факс (812) 328-16-01
e-mail: rusliter@mail.ru

ПЕРЕПИСКА А. М. РЕМИЗОВА И К. И. ЧУКОВСКОГО

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© И. Ф. ДАНИЛОВОЙ И © Е. В. ИВАНОВОЙ)

Письма любого литератора своему единомышленнику, как правило, позволяют реконструировать в первую очередь историю становления того конкретного направления, к которому принадлежат участники подобного диалога, в то время как эпистолярные контакты носителей далеких друг от друга эстетических установок предоставляют возможности для гораздо более широких исторических обобщений и интерпретации картины в целом. Прежде всего они помогают выявить механизмы взаимодействия разных групп в рамках «большого» литературного процесса, а также далеко не всегда заметный его непосредственным участникам вектор движения самой культуры.

С этой точки зрения переписка Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) и Корнея Ивановича Чуковского (1882—1969) представляет особый интерес. Кажется бы, на первый взгляд, в ней затрагиваются довольно локальные темы. Однако за ними стоят принципиально разные и вместе с тем весьма характерные для рубежа XIX—XX веков стратегии профессионального поведения, причем со всей очевидностью раскрывающиеся здесь как тесно взаимосвязанные и постоянно взаимодействующие. Кроме того, при довольно незначительном объеме (на настоящий

момент выявлено всего 36 писем), данная переписка по-своему уникальна в эпистолярной практике каждого из ее участников. Для Чуковского это один из редких случаев сохранившейся двусторонней переписки с писателями, творчеству которых он посвящал свои критические статьи. А в наследии Ремизова она является, пожалуй, самой длительной по времени, так как охватывает более чем полувековой период, с 10 мая 1906 года по 3 октября 1957 года. И если принять во внимание характерную для него сухость эпистолярного слога, порожденную стремлением обсуждать с не слишком близким адресатом исключительно деловые вопросы, ни в коем случае не касаясь более отвлеченных тем, следует подчеркнуть, что ремизовские письма к Чуковскому, особенно конца 1900-х—начала 1910-х годов, проникнуты на редкость дружеской интонацией, которую можно обнаружить лишь в его общении с немногими друзьями. К тому же эта переписка имеет свою внутреннюю «драматургию» — в ней без труда можно выделить ряд четко очерченных «сюжетов», чрезвычайно любопытных в первую очередь для ремизоведа. Вместе с тем она производит впечатление скорее «клочков и обрывков» большой эпистолярной ткани, многие лакуны в которой, не исключено, заполнялись в моменты личного общения. Именно поэтому при чтении этих писем нередко возникает ощущение, что мы присутствуем при продолжении начатого где-нибудь в редакции или на литературном журфиксе диалога.

Отправной точкой для истории взаимоотношений Ремизова и Чуковского является 1905 год. Именно тогда оба почти одновременно перебрались в Петербург и сразу же активно включились в жизнь столичной литературной среды. Их знакомство произошло зимой 1905—1906 года и поначалу носило в основном деловой характер. Однако уже через год эти отношения, при всем различии человеческих и вкусовых пристрастий, стали заметно более дружескими.

В тот период Ремизов, ранее заведовавший конторой журнала «Вопросы жизни» вплоть до его закрытия в феврале 1906 года, окончательно выбирает свободную профессию писателя, живущего исключительно литературным трудом. Однако она дает средства к существованию и продолжению работы лишь в том случае, когда процесс публикации написанного более-менее непрерывен. Это прекрасно понимал и он сам. Тем более что характер литературного дарования Ремизова, в первую очередь способность работать одновременно в разных жанрах, но особенно в области малых прозаических форм, позволял ему регулярно печататься даже в газетах. И тут Чуковский — сотрудник многих периодических изданий — мог оказать ему неоценимую помощь. Прежде всего, вероятно, не без его участия, Ремизов начал сотрудничать с «Речью», в которой к 1907 году Чуковский стал ведущим литературным критиком. Но что особенно важно, он был вхож в редакции немодернистских «толстых» и иллюстрированных журналов, таких как «Вестник Европы» или, например, «Нива», благодаря популярности у публики имевших впечатляющие тиражи и, следовательно, возможность платить авторам солидный гонорар. Ремизов стремился попасть в эти издания в основном по материальным, а не принципиальным соображениям. Впрочем, с другой стороны, он мыслил свое творчество вне узких рамок какой-либо конкретной школы и открыто, по крайней мере на уровне публичных деклараций, не идентифицировал себя ни с одной из существующих литературных групп, а потому считал вполне допустимым участие в печатных органах, исповедующих чуждые ему эстетические взгляды. Однако, будучи модернистом, он до определенного времени неизменно получал от них отказы в публикации, о чем красноречиво свидетельствует переписка с Чуковским, который не раз выступал в роли посредника при попытках писателя установить отношения с подобными изданиями.

В свою очередь не являвшийся модернистом Чуковский, как профессиональный критик, к тому же обозреватель одной из ведущих столичных газет, был заинтересован в постоянных контактах с литераторами, причастными к среде стреми-

тельно набравших популярность символистов. И если сотрудничество в «Весах» открывало ему доступ в московские символистские круги, то общение с Ремизовым было одним из тех разнообразных каналов, через которые осуществлялась связь с петербургскими.

Как писатель, чье финансовое благополучие всецело зависит от литературного гонорара, Ремизов был, безусловно, заинтересован в том, чтобы его имя постоянно появлялось в прессе. Естественно, что и в этом отношении регулярно пишущий Чуковский был для него важной фигурой. И хотя в позднейшей мемуарной прозе Ремизов ни разу не упомянул о его печатных откликах на свои произведения, это было вызвано отнюдь не молчанием критика.

Излюбленным жанром Чуковского был литературный портрет, обычно приуроченный к моменту, когда писатель оказывался в центре всеобщего внимания. Как правило, он создавался методом, который очень точно определил Валерий Брюсов: «„Портреты“ г. Чуковского, — в сущности, карикатуры. Что делает карикатурист: он берет *одну* черту в данном явлении или в данном лице и безмерно увеличивает ее».¹ Действительно, выделив в творчестве писателя некую доминанту, Чуковский подбирал примеры и цитаты таким образом, чтобы найденная им черта постепенно заслонила все остальные. Поэтому его часто справедливо упрекали в односторонности оценок. И впрямь, характеристики Чуковского заметно упрощали облик писателя, но в то же время подчеркивали жирной чертой нечто существенное в его произведениях.

Большую яркость портретам Чуковского придавала афористичность его мышления, умение уложить мысль в сжатую формулу. Именно поэтому критик часто редуцировал свою точку зрения до ярлыка, надолго пристававшего к имени писателя («вдохновенный Тюха» — о Леониде Андрееве, Пфуль — о Горьком). Редкие сохранившиеся черновики статей Чуковского показывают, как мучительно долго искал он порой это ключевое слово, какого труда стоило ему то, что затем небрежно, как бы невзначай, ронялось в очередном фельетоне. Афористичность в литературе начала XX века была в большом ходу под влиянием Ницше, и Чуковский — один из тех, кто ее успешно культивировал и развивал. Но если, к примеру, Влас Дорошевич или Максим Горький любили изрекать сентенции, то он пользовался афоризмами с большой осторожностью, вкрапляя их в статьи крайне экономично, как некий итог, венчающий все предыдущие рассуждения. Или, напротив, выносил свой афоризм в заглавие, где тот останавливался на себе внимание читателей, как это произошло и в его первой статье о Ремизове, названной «Вселенская тошнота».

Однако главным в статьях Чуковского был совершенно особый угол зрения, под которым рассматривалось творчество того или иного писателя. В отличие от своих собратьев по критическому цеху, он не был ни толкователем чужих произведений, ни посредником между кругом идей автора и читающей публикой, ни историком текущей литературы, летописцем ее примечательных явлений. Чуковский был критиком-разоблачителем, исходящим из убеждения, что писатель пользуется словом не столько для того, чтобы выразить свои истинные мысли, сколько для того, чтобы скрыть их.

Он разделял в художнике установки рациональные, причем нередко навязанные извне, и бессознательные, которые казались Чуковскому интереснее и значительнее первых. И потому, если герои Михаила Арцыбашева воспринимались многими критиками как воплощение декадентского анархизма и бунтарства, Чуковский стремился показать канцелярскую расчетливость, стоящую за их мнимыми дерзновениями.

¹ *Аврелий* [Валерий Брюсов]. [Рец.] К. Чуковский. От Чехова до наших дней // *Весы*. 1908. № 2. С. 183.

Все, что проповедовал писатель на словах, было для него лишь парадным мундиром, который надевают, чтобы скрыть нечто более существенное, обмануть себя и читателя. Критик с недоверием относился ко всему, что лежит на поверхности литературного произведения, и всегда пытался проникнуть за эту грань. «Каждый писатель для меня, — утверждал он в предисловии к книге «От Чехова до наших дней», — вроде как бы сумасшедший. Особый пункт помешательства есть у каждого писателя, и задача критики в том, чтобы отыскать этот пункт. Нужно выследить в каждом то заветное и главное, что составляет самую сердцевину его души, и выставить эту сердцевину напоказ. Сразу ее не увидишь. Художник, как всякий помешанный, обычно скрывает свою манию от других. Он ведет себя, как нормальный, и о вещах судит здраво. Но это притворство».² Отсюда вывод: «Пинкертоном должен быть критик!»³

Мысль о том, что между проповедями писателя и художественным творчеством существует дистанция, была одной из центральных для Чуковского. Отвечая в начале 1921 года на замечания Горького по поводу своей статьи «Ахматова и Маяковский», Чуковский писал: «Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые могут ведь меняться, а его *органическим стилем*, теми *инстинктивными, бессознательными навыками творчества*, коих часто не замечает он сам. Я изучаю *излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам*, и на основании этого чисто формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, формально духовную личность писателя. Что думает Маяковский о революции, для меня дело побочное, а то, что он строит свой стих на метафорах и гиперболах, что у него пристрастие к моторным, динамическим образам, что ритмы у него разговорные, уличные (...) для меня, как для критика, главное дело. Наши милые „русские мальчики“, вроде Шкловского, стоят за формальный метод, требуют, чтобы к литературному творчеству применяли меру, число и вес, но они на этом останавливаются; я же думаю, что нужно идти дальше, нужно на основании формальных подходов к матерьялу конструировать то, что прежде называлось *душою поэта*. Мало подметить, что эпитеты Ахматовой стремятся к умалению и обеднению вещей, нужно также сказать, как в этих эпитетах отражается *душа поэта*».⁴

Все эти качества проявились и в статьях о Ремизове, ключ к творчеству которого Чуковский подобрал далеко не сразу. С самого начала он, безусловно, с интересом относился к нему как к писателю. Причем характер задаваемых Ремизову в публикуемых письмах вопросов свидетельствует о том, что критик весьма тонко воспринимал его произведения и довольно точно понимал их смысл, хотя, в силу обозначенных выше причин, об этом трудно догадаться, если судить исключительно по его печатным откликам.

Первая статья Чуковского о Ремизове, как уже отмечалось выше, носит «говорящее» название «Вселенская тошнота»⁵ и посвящена роману «Пруд». Главная тема ремизовского творчества определена здесь следующим образом: «...он, как никто в нашей литературе, умеет передать читателю это свое вселенское чувство вселенской тошноты, мирового головокружения».⁶ Чуковский склонен видеть в этом своеобразный пафос Ремизова-писателя: «Пожалуй, только это он и умеет.

² Чуковский К. От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. 3-е изд. СПб.; М., (1908). С. 1.

³ Там же. С. III. Имя сыщика Ната Пинкертона возникло здесь не случайно — серии романов об английском сыщике посвящена одна из наиболее ярких статей Чуковского.

⁴ Переписка М. Горького с К. И. Чуковским / Предисл. и подгот. текста Е. Ц. Чуковской и Н. Н. Примочкиной // Неизвестный Горький: Материалы и исследования. М., 1994. Вып. 3. С. 111.

⁵ Чуковский К. Вселенская тошнота // Речь. 1909. 11 (24) янв. № 10. С. 3.

⁶ Там же.

Чуть дело коснется этого неприятного и неопрятного чувства, — он поэт, он творец, он вырастает на двадцать голов, и сразу получает власть над своими читателями огромную, а в остальное время (если он не занимается фольклором) он, повторяю, бессильнейший и скуднейший из художников».⁷

Но собственно художественное дарование Ремизова Чуковский ставит в этой статье достаточно низко. И потому, приведя целый ряд шаблонных выражений, вроде фразы «скрытые глаза души, палимые болью и одиночеством, загорелись пожаром», заключает: «... всё это свидетельствует о такой страшной импотенции этого поэта выразить свои искреннейшие томления и волнения, что даже в ужасе становится как-то жалко, что вот человек страдает, а сказать о страдании ни единого слова не может».⁸

Поначалу ощущение «вселенской тошноты» Чуковский считал главной неосознанной темой творчества Ремизова. Следующая его статья «Последние рассказы Алексея Ремизова»⁹ была откликом на книгу «Рассказы» (СПб., 1910), об издании которой речь идет, между прочим, и в публикуемых письмах, а также на повесть «Неуемный бубен», тогда же напечатанную в «Альманахе для всех» и тоже обсуждаемую в переписке. К числу основных тем ремизовских произведений здесь прибавляется еще и испуг, страх: «„Ерунда на постном масле“, чепуха, бестолочь, дичь, ералаш, кавардак, топотня, — вот что такое, по Ремизову, вся наша жизнь; неистовство дьявольских сил, — и что же тогда остается нам, как не дрожать от испуга, забиться куда-нибудь в щелку, спрятаться, затаиться: „свят, свят, свят!“ — глубже, дальше, с головой! Недаром все переливы и оттенки страха, — боязнь, испуг, ужас, трепет, дрожь, — так богато и подробно разработаны в писаниях Ремизова. Недаром Ремизов такой мастер по части всяческих кошмаров, чудовищ, чучел, пугал, страшилищ, и кажется иногда, что даже народною стариною он занимается больше всего потому, что чует у древних создателей мифов такую же запуганную, дрожащую душу, как у себя самого».¹⁰

Итак, в этих статьях Чуковский выделил две главенствующие темы творчества писателя: «все в мире страшно и все тошнотворно».¹¹ В том же году появилась еще одна его статья «Для чего мы живем», ставшая откликом на повесть «Крестовые сестры».¹² Здесь доминирующей темой вновь был назван испуг, и, кроме того, в описаниях Ремизова кропотливо отмечались все упоминания о страхе. Архетип его героев Чуковский описывал следующим образом: «В одном петербургском дворе жила очень милая кошечка, и однажды ее „накормили“ осколком стекла или гвоздиком. Бедная дернулась, замыкала дико, закорчилась, заметалась, запрыгала по всему двору. И вот, оглянувшись, Ремизов заметил, что и все обитатели этого дома, обыкновеннейшие петербургские „жильцы“ и „жилицы“, — все они такие же Мурки. У каждого по гвоздику внутри. Так или иначе, сами ли они его проглотили, или кто-нибудь их „накормил“, был ли то огромный гвоздь-„костыль“, или маленький гвоздик, „обойный“, или шпилька, или кнопка, или булавка, — но только пойдите по всем квартирам этого странного дома, позвоните с парадного входа или с черного, вам почти наверное откроет „человек, проглотивший гвоздь“, и если у него есть теща, то и теща его „с гвоздем“, а если дочь, то и дочь. Такой уж заколдованный двор!»¹³

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Чуковский К. Последние рассказы Алексея Ремизова («Рассказы», СПб., 1910. — «Неуёмный бубен». Альманах для всех, 1910) // Речь. 1910. 14 июля. № 160. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Чуковский К. Для чего мы живем. («Крестовые сестры», повесть Алексея Ремизова. Альманах «Шиповник», кн. VIII) // Речь. 1910. 26 сент. (9 окт.). № 264. С. 2—3.

¹³ Там же. С. 2.

Как уже отмечалось выше, Чуковский-критик стремился обратить внимание прежде всего на те черты писательского облика, которые оставались вне поля зрения его коллег. В данном случае он настаивал на том, что мучения, которые претерпевают герои Ремизова на страницах его произведений, носят принципиальный характер, писатель бессознательно считает страдания и страх основным содержанием жизни. При этом Чуковский осознавал, что не может претендовать на всестороннюю характеристику ремизовской повести. Поэтому статью заключал постскриптом: «Мне очень больно, что, говоря *по поводу* романа, я ничего не сказал о нем самом. По-моему, это прекрасное произведение: нервный, напряженный, очень капризный стиль, — мастерская, уверенная лепка каждого образа, — и подлинная выстраданность логики. Впервые Ремизов не тонет в своей теме, не барахтается в ней, а владеет ею вполне, преодолев мучительное косноязычие большой, но „закупоренной“ души».¹⁴

На основе этих трех статей и был написан портрет Ремизова-писателя, который под заглавием «Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова» вошел в сборник статей Чуковского «Книга о современных писателях» (1914). Все найденные ранее характеристики соединились здесь вместе, но, описывая страх, тошноту и отчаяние, в которых протекает жизнь персонажей ремизовской прозы, Чуковский неожиданно обнаружил в мире этих новых «униженных и оскорбленных» еще одну особенность: герои Ремизова стремятся к несчастьям, нуждаются в унижениях и боли. «Оказывается, мы совсем напрасно жалели этих людей и так скорбели о них, — пишет критик. — Оказывается, им ничего и не нужно, кроме мерзостей и страданий, они только мерзостями, страданиями и счастливы, и кто знает: если бы самые лучшие инженеры явились вдруг в этот гадкий и смрадный Двор — и взялись бы тотчас же, в одну минуту разрушить его до основания, так, чтобы камня от него не осталось, и воздвигнуть новый — этаким рациональнейший, по заграничному образцу, где цветы и комфорта, кто знает: не завопят ли все эти Веры, Верочки, Акумовны, Маракулины: „Не надо!“».¹⁵ Отсюда его главный вывод: «Глупость, и злость, и подлость — все простит человеку Ремизов, одного он не простит ему: счастья!»¹⁶

Конечно, самому Ремизову, который к тому же с разных сторон слышал критические реплики в адрес этих высказываний,¹⁷ вряд ли нравились оценки Чуковского. Возможно, именно поэтому в повествовании о начальном периоде своей литературной карьеры — книге «Петербургский буерак» — по отношению к ним писатель предпочел воспользоваться «фигурой умолчания»: «Чуковский в своих критических фельетонах в „Понедельнике“ у П. П. Пильского никогда обо мне ничего не писал, я для него „несуществующий писатель“, но к моей судьбе у него полное сочувствие, и он всегда готов мне помочь».¹⁸ При этом здесь же неоднократно упоминаются постоянные хлопоты критика об устройстве ремизовских произведений в печать. Хотя, безусловно, в этом деле он был далеко не единственным и отнюдь не самым активным помощником писателя. Вместе с тем на период создания статей Чуковского о Ремизове приходится пик их эпистолярного общения.

В 1909—1910 годах переписка Ремизова с Чуковским достигает своеобразной кульминации. К тому же в течение этого времени в их письмах развивается любопытный «двойной сюжет». Весной—осенью 1909 года здесь преобладают две темы: сначала устройство в издательство ремизовского сборника «Караван — горюн» (будущая книга «Рассказы»), а затем громкий скандал с обвинением писателя в пла-

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Цит. по: Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2003. Т. 7. С. 167.

¹⁶ Там же.

¹⁷ См., например, мнение Иванова-Разумника, приводимое нами в прим. 3 к п. 27.

¹⁸ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч.: [В 10 т.]. М., 2003. Т. 10: Петербургский буерак. С. 184.

гиате. Обе истории, хотя и без посредничества Чуковского, в конце концов заканчиваются благополучно. А в первом случае достигнута и непосредственная цель — добыты деньги на летний отдых.

Через год повторяется примерно то же самое, правда, на этот раз лишь в виде легкой тени, слабого отголоска прошлогодних событий, причем происходит это в обратной последовательности. Так, сначала в апреле 1910 года вспыхивает инцидент с Хахановым, обвиняющим писателя в том, что тот недобросовестно сделал отсылки к принадлежащей ему рукописи. Однако, в отличие от прошлогоднего скандала, этот эпизод не получает дальнейшего развития и, что особенно важно, впоследствии ни разу даже не упоминается в мемуарной прозе Ремизова. И только затем, уже после стремительного завершения истории с Хахановым, писатель, вновь нуждающийся в средствах на лето, в том числе и на санаторий для поправления здоровья, которое пошатнулось из-за переживаний в связи с обвинением в плагиате и последовавшей за этим травлей в прессе, решает прибегнуть к проверенному средству и вновь предложить издательствам сборник рассказов. Но в результате и этот проект оказывается только «призраком» книги.¹⁹ К осени он бесследно исчезает из планов Ремизова, так как перед писателем открывается более существенная возможность публикации собрания сочинений. И в отдаленной исторической перспективе тоже не попадает в число событий и фактов, используемых в его автобиографическом повествовании. Хотя и на этот раз практическая цель достигнута и аванс получен.

Стоит особо остановиться на скандале с обвинением Ремизова в плагиате, прозвучавшим в статье «Писатель или списыватель?», которая была опубликована в газете «Биржевые ведомости» 16 июня 1909 года (№ 11160. С. 5—6) за подписью Мих. Миров. Тем более что в последнее время имя Чуковского как ее автора, скрывшегося под этим псевдонимом, несколько раз упоминалось в связи с данным инцидентом.²⁰

Суть претензий Мих. Мирова к Ремизову состояла в том, что он якобы «списал» свои сказки «Мышонок» и «Небо пало» из этнографического сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (СПб., 1908). Такое впечатление о ремизовских переложениях народных сказок действительно могло сложиться у читателя, недостаточно хорошо знакомого со спецификой функционирования фольклора в традиционной культуре и отношением к подобному материалу в русской литературной

¹⁹ Не случайно исследователи творчества Ремизова путают его с «двойником» — сборником «Рассказы», тем более что на титульном листе последнего выставлен 1910 год. Однако он вышел в свет в ноябре 1909 года. В то время как письма, которые цитируются комментаторами в связи с историей его публикации, относятся к более позднему времени, и речь в них идет уже о втором, несущественном проекте сборника. См., например: Там же. С. 470 (комментарий А. М. Грачевой).

²⁰ Это произошло после того, как было обнародовано письмо главного «подозреваемого» в авторстве антиремизовской статьи, критика и заведующего литературным отделом «Биржевых ведомостей» А. А. Измайлова Ф. К. Сологубу от 25 марта 1910 года, где, в частности, имеется такой пассаж: «Для меня нет ничего отвратительнее восторженного захлебывания толпы, когда Чуковский обвинил Бальмонта за три выражения, схожие в статье с выражениями какого-то англичанина (Бальмонта, у которого 20 книг!), или Ремизова за пользование сказкой» (Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 207—208). Со ссылкой на эту публикацию версию Измайлова без какой-либо оценки стали повторять и некоторые ремизоведы. См., например, комментарий Е. Р. Обатиной к упоминанию об инциденте 1909 года в книге «Кукха» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 551—552). Хотя цель критика вполне очевидна: ему нужно отвести от себя подозрение в причастности к скандальной истории с Ремизовым (кстати, завершившейся полным поражением его гонителей) в глазах тех, кто находился на стороне обвиняемого писателя. Тем более что у Измайлова были основания недолюбливать Чуковского, с которым он вступил в словесную перепалку по поводу статьи последнего «О Сергееве-Ценском» и 22 февраля 1907 года в «Биржевых ведомостях» опубликовал отклик на нее под названием «О литературной ноздревщине».

традиции. Прежде всего потому, что писатель работал в прямом взаимодействии со своим источником, «реконструируя» «идеальный» текст каждой конкретной сказки, дабы воссоздать единый «текст» общенационального мифа.²¹ Его филигранная обработка фольклорной записи могла быть по-настоящему оценена только специалистами-филологами и писателями, практикующими стилизацию. Поэтому обвинения Мих. Мирова, который привел в своей статье параллельные места, но при этом выпустил все авторские добавления, многим показались убедительными. После чего в течение всего лета 1909 года столичная и провинциальная пресса на все лады обсуждала «недостойное» поведение писателя. В результате Ремизов был вынужден ответить своим критикам «Письмом в редакцию», дабы разъяснить собственную позицию по вопросу о взаимодействии современной литературы и фольклора. Это выступление поставило точку в скандальной истории, и упоминания о ней в газетах сразу же прекратились.

Непосредственно после появления статьи Мих. Мирова в защиту Ремизова выступил М. М. Пришвин, которому принадлежала одна из инкриминируемых писателю этнографических записей. Возмущение нападками и готовность принять участие в этом деле выразили многие другие его знакомые.²² Среди них, как со всей очевидностью свидетельствует публикуемая переписка, был и Чуковский.²³ Однако далее намерения дело не пошло.²⁴ Вероятно, еще и потому, что «Речь», на страницах которой, скорее всего, он и собирался выступить, сочла ниже своего достоинства полемизировать с «Биржевыми ведомостями».²⁵ Вместе с тем Чуковский был в числе тех доброжелателей и сторонников Ремизова, кому в сентябре 1909 года он послал газетную вырезку со своим «Письмом в редакцию».²⁶ Наконец, когда в апреле 1910 года А. С. Хаханов вновь попытался обвинить писателя в некорректном пользовании материалами, Ремизов обратился с подробным изложением ново-

²¹ См. об этом: *Ремизов А.* Письмо в редакцию // *Русские ведомости.* 1909. 6 сент. № 205. С. 5.

²² Подробнее об этом см.: *Данилова И. Ф.* Писатель или списыватель? (К истории одного литературного скандала) // *История и повествование: Сб. статей / Под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. М., 2006. С. 279—316.*

²³ См. наш комментарий к п. 18. К сказанному в нем следует добавить, что еще в первой статье о Ремизове «Вселенская тошнота» Чуковский заметил: «В русских апокрифах я смыслю мало и судить о них не могу — да и кому они сейчас надобны. Во всех книгах Ремизова мне важно совсем другое, повесть об одном раздавленном таракане, и этой заметкой я хотел показать, что Ремизов только о нем и пишет. Не мифотвор мне в нем нужен, а тошнотвор!» И впрямь его как критика не занимала эта сторона творчества писателя. Он действительно мало смыслил в русских апокрифах и никакого специального интереса к фольклору в те годы не проявлял. К тому же Чуковский, будучи обозревателем «Речи», никогда не сотрудиничал в «Биржевых ведомостях» по корпоративным соображениям. Кроме того, он не боялся литературных скандалов, и если бы имел намерение обличить Ремизова, сделал бы это, как и во всех прочих случаях, за своей подписью.

²⁴ Впрочем, есть и печатное свидетельство вовлеченности Чуковского в эту историю: критик упоминает о ней в годовом обзоре «Русская литература (в 1909 году)», когда пишет о «ненависти к литературе» как доминирующем настроении русского общества в этот период. «Ненависть эта созрела давно, — замечает Чуковский, — но теперь всех как будто прорвало, и похоже на то, что больше ждать нельзя ни минуты. Сейчас же нужно „прекратить“ Андреева, Белого, Блока, Сологуба, — сию же минуту. Яду им дать, или выслать их в 24 часа? Только, чтоб они не писали. Пусть сгниет всё, пусть останутся одни только „Биржевые Ведомости“ — как дух, носящийся над хаосом, — только бы не „они“». И иллюстрирует свое наблюдение фразой: «Или вспомните „историю“ с Ремизовым Алексеем...» (цит. по: *Чуковский К. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 459—460).

²⁵ См. об этом в письме Пришвина к Ремизову от 20 июня 1909 года (Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Вступит. статья, подгот. текста и прим. Е. Р. Обатниной // *Русская литература.* 1995. № 3. С. 168; здесь же на с. 204—207 републикованы статья Пришвина в защиту писателя «Плагатор ли А. Ремизов?» и ответ «виновника» скандала своим разоблачителям «Письмо в редакцию»).

²⁶ См. об этом в п. 20.

го инцидента именно к Чуковскому.²⁷ И это лишний раз доказывает, что он ни на минуту не сомневался в непричастности критика к прошлогоднему скандалу. Хотя, вероятно, версия Измайлова к этому времени уже была известна Ремизову.

После столь бурных событий в его общении с Чуковским наступает временное затишье. Позднее сам Ремизов в «Кукхе» мотивировал ослабление контактов со многими своими знакомыми тем, что в «пятилетие — 1912—1916 {...} почти перестал выходить на люди...»²⁸ Кроме того, бесспорно, на то были и более фундаментальные причины. Так, следует учитывать, что положение писателя в литературе к этому времени заметно упрочилось. И значит, отпала необходимость поддерживать многие деловые по своей сути отношения в том случае, когда с человеком не было иных точек соприкосновения. Не исключено, что именно обоюдная творческая отчужденность при отсутствии внешних поводов для общения и привела к затуханию переписки с Чуковским. Как только жизненные обстоятельства изменились, она сразу же возобновилась. Хотя в годы революции письма Ремизова более уже не выходили за сугубо практические рамки.

И лишь последнее письмо Чуковскому, отправленное осенью 1957 года из Парижа, спустя 36 лет после вынужденного прекращения контактов, вновь вернуло переписку к ее кульминационному моменту. В нем Ремизов, работавший в это время над книгой о петербургском периоде своей литературной биографии, опять вспомнил давний скандал с обвинением его в плагиате и обратился к Чуковскому как к одному из немногих живых свидетелей прошлого за подтверждением собственной итоговой версии этой некогда громкой истории.

* * *

Ниже публикуются 18 писем Ремизова из фонда К. И. Чуковского в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки в Москве (Ф. 620. Карт. 70. Ед. хр. 26), 2 письма Ремизова (п. 1 и 17) из коллекции Я. С. Тарнопольского (Ф. 2571. Оп. 1. Ед. хр. 310) и 4 письма Ремизова (п. 7, 9, 19 и 23) из фонда К. И. Чуковского (Ф. 1192. Оп. 1. Ед. хр. 21) в Российском государственном архиве литературы и искусства в Москве, 11 писем Чуковского из фонда А. М. Ремизова в Отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Петербурге (Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 237; здесь же имеются две вырезки из периодических изданий с портретом Чуковского работы И. Е. Репина и шаржем на критика Г. Петтера) и 1 письмо Чуковского (п. 8) из Отдела рукописных фондов Государственного Литературного музея в Москве (Ф. 227. Оп. 1. Ед. хр. 137; на обороте листа сделана помета: «Из собрания профессора И. М. Саркизова-Серазини. Москва, 1928 г.»). Вместе с письмами Ремизова в РГБ хранится письмо В. В. Сухомлина, отправленное Чуковскому после смерти писателя в надежде, что тот поспешит вернуть возвращение его книг на родину. Оно публикуется нами в Приложении.

Письмо Чуковского от 22 марта 1912 года ранее было приведено в его содержательной части в статье М. Петровского (см. об этом в прим. 1 к п. 31). А письмо Ремизова от 5 февраля 1917 года (п. 32) — в «Чукоккале» (см.: Чукоккала. Рукописный альбом Корнея Чуковского. М., 2006. С. 328 и 330; здесь же на с. 328—329 и 330—331 воспроизведены выполненные рукою Ремизова шуточные «обезьяньи» прошения в Дом искусств и лично Чуковскому от сотрудников «Алконоста»). Однако мы включили эти два письма в публикацию, дабы представить переписку в ее возможной полноте. К тому же в «Чукоккале» письмо Ремизова помещено, скорее, в качестве иллюстрации, без соответствующего комментария.

²⁷ «История с Хахановым» подробно излагается самим Ремизовым в письме от 24 апреля 1910 года (см. п. 23 и наш комментарий к нему; см. также ответ Чуковского — п. 24).

²⁸ Цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 37.

Письма публикуются с сохранением графических и некоторых грамматических особенностей подлинника. Любые вмешательства в авторский текст оговариваются в примечаниях. Отдельные необычные словоупотребления сопровождаются пометой в скобках «(так!)». Все даты дореволюционных писем даны по старому стилю.

Пользуясь случаем, выражаем нашу глубочайшую признательность Елене Цезаревне Чуковской за неоценимую помощь при работе над этой публикацией.

1. Ремизов — Чуковскому

10 мая 1906 г(ода)

5 Рождественская 38 кв. 2.

А. Ремизов.

Многоуважаемый Корней Иванович!

1. Я придумал, как это устроить: пускай вся молитва похерится. Одну строчку только сохранить надо.¹

3. [5]² Мне будет, я не виноват ни в чем.³

Слава Тебе, показавшему нам свет! → выделить, как стихи⁴

Павлушка стоял, как пригвожденный, не засматривал в окно, как всегда засматривал: не увидит ли свет показавшийся

Хватает Павлушка тяжелый лом, бьет старика, бьет по лысине, по лысине. Бьет и чувствует, что сил уж нет больше, нет сил еще раз поднять лом. А старик поднимается с тумбы...

Слава Тебе, показавшему нам Свет! → ||—||

Открытое письмо. Отправлено по адресу: Е. В. Корнею Ивановичу Чуковскому Ямская, 34 Здесь.

¹ Речь идет о рассказе Ремизова «Слоненок» (1905), рукопись которого находилась в этот момент у Чуковского для передачи Е. А. Ляцкому (подробнее об этом см. прим. 2 к п. 3, а также п. 4). Вероятно, следующая далее авторская правка предложена в ответ на заданные Чуковским в не дошедшем до нас письме вопросы редакторского характера, о чем, в частности, свидетельствует обозначение номера пункта: «1.». Во всех публикациях рассказа молитва, в которую вслушивается во время всенощной, а затем, заболев корью, вспоминает в бредовом кошмаре главный герой мальчик Павлушка, действительно редуцирована до одного, указанного здесь стиха.

² Имеются в виду 3-я и 5-я главы «Слоненка», где первоначально находились заключенные Ремизовым в рамку соответственно первый и второй фрагменты текста. При публикации в журнале «Перевал» 5-я глава (болезнь Павлушки) была разбита на две (см.: Перевал. 1907. № 7. С. 14—16), и потому вторым фрагментом завершалась 6-я глава с описанием горячего бреда ребенка (Там же. С. 15—16). Та же структура сохранялась и во второй редакции, правда, здесь нумерация глав уступила место астерискам (см.: Ремизов А. Чортов лог и Полуночное солнце. Рассказы и поэмы. СПб., 1908. С. 51—71). В последующих редакциях писатель вернулся к прежнему членению рассказа, восстановив нумерацию и целостность 5-й главы (см.: Ремизов А. 1) Соч.: [В 8 т.]. СПб., [1910]. Т. 1. С. 205—224; 2) Зга. Волшебные рассказы. Прага, 1925. С. 225—249).

³ В первой печатной редакции за этими словами с красной строки следовала фраза: «И ему до боли стыдно, что он не виноват ни в чем...» (Перевал. 1907. № 7. С. 11), которая с небольшими разночтениями сохранялась во всех прочих публикациях «Слоненка». Это свидетельствует о том, что Ремизов и впредь продолжал отделять свою рукопись. Так, в двух последних редакциях молитвенный возглас в 3-й главе персонафицирован: его произносит дьякон, растворяющий царские врата.

⁴ Слова, выделенные нами курсивом, как и значок «то же самое» во втором фрагменте, расположены в оригинале письма за вертикальной стороной рамки на полях, куда от текста к этим пометам ведут и обе стрелки. При первой публикации молитвенный стих был помещен с

красной строки без каких-либо дополнительных выделений (см.: Перевал. 1907. № 7. С. 11 и 16). Во второй редакции он дан тем же кеглем, что и основной текст, однако с отбивкой и курсивом (см.: Ремизов А. Чортов лог и Полуночное солнце. С. 59 и 70), а во всех последующих без отбивки и в разрядку (см.: Ремизов А. 1) Соч. Т. 1. С. 212 и 222; 2) Зга. С. 234 и 248).

2. Ремизов — Чуковскому

〈7 или 8 июня 1906 года〉¹

Многоуважаемый Корней Иванович!

Вот Вам человек для «Плена».²

Кланяюсь Марье Борисовне.³

Ремизов

¹ Датируется по дневнику Чуковского. Письмо вклеено в запись от 8 июня 1906 года и предваряется следующим пассажем: «Получил сегодня письмо от Ремизова. Странный человек. Он воспринимает очень много впечатлений, но душа у него, как закопченное стекло, пропускает их ужасно мало. И все это скупо, скучно, мучительно трудно. Вольного воздуха нет ни в чем, что он делает. Вот только что получил от него письмо. Все вымученно, старательно» (цит. по: Чуковский К. И. Собр. соч.: В 15 т. М., 2006. Т. 11. С. 130). Столь негативную реакцию вызвала, скорее всего, нарочитая графика ремизовского послания, так как отношение Чуковского к писателю в этот период было вполне доброжелательным. К примеру, уже через несколько дней, 12 июня 1906 года, он писал Е. А. Ляцкому из Луги, где находился на отдыхе: «Ремизовых приветствую» (ИРЛИ. Ф. 163 (Архив Е. А. Ляцкого). Оп. 2. Ед. хр. 546. Л. 1). Впоследствии эта сторона творчества Ремизова: стремление писать «старинной затейливой вязью», т. е. стилизованным полууставом с витиеватыми росчерками и завитками, «даже частные письма», силой изысканной каллиграфии превращая утилитарные по своему содержанию тексты в подлинное произведения графического искусства, — встречала большее понимание у Чуковского (см.: Чукоккала. Рукописный альманах Корнея Чуковского. М., 2006. С. 328).

² Подразумевается автобиографическая «поэма» Ремизова «В плену» (1896—1903), состоящая из серии разделенных на три части («В секретной», «По этапу» и «В царстве полуночного солнца») прозаических миниатюр. На протяжении 1900-х годов писатель безуспешно пытался напечатать свой цикл в периодических изданиях, в том числе, как явствует из настоящего письма, и при посредничестве Чуковского. Однако впервые это произошло только в 1910 году с выходом в свет второго тома его «Сочинений» (С. 149—202). Подробнее об истории создания и публикации данного произведения см.: Ремизов А. М. Собр. соч.: В 10 т. М., 2000. Т. 3: Оказион. С. 608—616 (комментарий Е. Р. Обатниной).

³ Чуковская Мария Борисовна (1880—1955) — жена Чуковского.

3. Чуковский — Ремизову

〈26 августа 1906 года〉¹

Многоуважаемый

Алексей Михайлович!

Посылаю Вам Вашу рукопись. Как я уже писал Вам, косная редакция журнала не признала ее своею.² Мне очень больно, мне очень стыдно, — а почему, не знаю. Я ведь ничем, так-таки ничем не виноват перед Вами. Кроме добрых намерений, у меня не было ничего, и все же мне перед Вами стыдно, и я сам не решаюсь заглянуть к Вам. На сегодня Е. А. Ляцкий³ устроил у себя для нас с Вами чай,⁴ — но у меня на глазу дурацкий ячмень, и я не могу туда заявиться. Прошу Вас извинить меня в том, в чем я совершенно не виноват.

Искренне преданный

К. Чуковский

Низкий поклон Серафиме Павловне.⁵

¹ Датируется по содержанию (см. прим. 4 к наст. п.). Это письмо было получено адресатом одновременно со следующим, т. е. не ранее декабря 1906 года (см. прим. 4 к п. 4).

² Речь идет о ремизовском рассказе «Слоненок» и о журнале «Вестник Европы». Посредничество Чуковского в этом деле заключалось прежде всего в передаче рукописи в редакцию и возвращении ее автору после отклонения, так как в 1906 году он был секретарем Е. А. Ляцкого, который заведовал литературным отделом издаваемого М. М. Стасюлевичем «Вестника Европы». Вместе с тем, как следует из п. 1, Ремизов обсуждал с Чуковским стилистическую правку, что свидетельствует о более значительной роли последнего в этом деле. Спустя несколько лет критик высоко оценил «Слоненка», назвав одной из «лучших вещей Ремизова», «где душевное томление крошечного пригостишки передано с изумительной силой» (*Чуковский К. И.* Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова // Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 155). Собственно посредническая миссия Чуковского была не столь успешной. Так, 14 июня 1906 года Ляцкий писал Ремизову: «Милейший Корней Иванович не сказал толком, что „Слоненок“ предлагается Вами „Вестнику Европы“, и он пролежал у меня без движения. Сегодня утром я передал его М. М. Стасюлевичу с просьбой не задерживать ответом (так!). По получении тотчас же уведомя Вас. (...) Р. С. Чуковский в Луге, собирается быть скоро в СПб.» (РНБ. Ф. 634 (Архив А. М. Ремизова). Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 4). А спустя почти полтора месяца, 24 июля сообщал об отказе: «Рукопись Ваша не была взята М. М. Стасюлевичем» для «Вестника Европы», и я захвачу ее в среду для передачи Вам» (Там же. Л. 1). Хотя в своих письмах Ляцкий настойчиво подчеркивал, что решение принял не он, а Стасюлевич, впоследствии в мемуарной книге «Петербургский буерак» Ремизов, помнивший о крайнем эстетическом консерватизме критика в первые годы XX века, интерпретировал этот эпизод следующим образом: «Я был под негласным запрещением, меня никуда не принимали, в „толстых“ благородных журналах имя мое было пугалом. К. И. Чуковский пытался в „Вестнике Европы“ — редактор Е. А. Ляцкий — там только руками замахали и приняли за шутку: Чуковский предлагал мой рассказ „Слоненок“...» (цит. по: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 205—206). Справедливости ради стоит отметить, что значительно позже, уже в эмиграции, Ляцкий все-таки поучаствовал в публикации последней редакции этого рассказа, так как именно он осуществлял общее руководство пражским издательством «Пламя», выпустившим в 1925 году книгу Ремизова «Зга», куда вошел в том числе и «Слоненок».

³ Ляцкий Евгений Александрович (1868—1942) — критик, историк русской литературы, этнограф, фольклорист, прозаик. Персонаж одного из снов в книге Ремизова «Взвихренная Русь» (1927). Помимо разнообразных издательских дел, в 1900—1910-е годы его объединяли с писателем общие «книжные» интересы, прежде всего в области фольклора и этнографии.

⁴ 25 августа 1906 года Ляцкий приглашал к себе Ремизова открыткой на завтра, в субботу, т. е. 26-го числа, в три часа пить чай (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 2).

⁵ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876—1943) — жена Ремизова, переводчица и палеограф, закончила Императорский Санкт-Петербургский Археологический институт, в годы эмиграции преподавала славянскую палеографию в парижской Школе восточных языков (Сорбонна).

4. Чуковский — Ремизову

(декабрь 1906 года)¹

Многоуважаемый
Алексей Михайлович.

Только Вы можете простить меня за всю ту сумятицу и нелепицу, которая произошла у меня со «Слоненком».²

Не говорю уже о Ляцком,³ — с самой пересылкой этого фатального животного, и то выходят нескладницы.

Посылаю Вам ее (его) в конверте, в котором посылал уже раза три — даже просто три раза — и всё без толку. В том самом конверте, — ибо в нем Вы найдете записку,⁴ которую я написал Вам еще в августе месяце, когда впервые посылал «Слоненка».

Прошу верить и не сердиться. Низко кланяюсь Серафиме Павловне.

К. Чуковский

¹ Датируется по содержанию (см. прим. 3 к наст. п.).

² Подразумеваются перипетии с передачей в редакцию «Вестника Европы», а затем с возвращением Ремизову рукописи рассказа «Слоненок». См. также прим. 2 к п. 3.

³ 9 декабря 1906 года Ляцкий сообщил Ремизову: «Рукопись „Слоненок“ (так!) взял у меня давно К. И. Чуковский (Коломенская, 11), чтобы Вам передать. Пишу ему» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 143. Л. 3).

⁴ Действительно, п. 3 — это записка на обрывке примерно 1/3 листа формата А4.

5. Чуковский — Ремизову

(1 или 2 мая 1907 года)¹

Спасибо Вам, дорогой А(лексей) М(ихайлович), за чудные книжки Ваши,² за память, за ласку, за надпись.³

«Морщинку»⁴ прочитал с восторгом, и совершенно согласен с сыном моим Николаем,⁵ что Алишка⁶ была умнее, когда сидела дома и не рипалась.

Кстати: что это за Клешня⁷ такая?

Посылаю Вам заметку мою, которая тогда не пошла в печать, но пойдет переделанная теперь, когда буду писать обо всем.⁸

Когда выйдет Ваш «Пруд»?⁹ Чуть выйдет, известите. Для «Календаря писателя».¹⁰

Преданный Вам

Чуковский

Серафиме Павловне от нас низкий поклон. А у нас дочка — громадная!¹¹

¹ Датируется в соответствии с пометами Ремизова о получении письма, сделанными синим карандашом в верхнем углу справа: «2 V 1907», а также на обороте листа: «2 V». Более точную дату установить затруднительно, так как даже из Куоккалы, не говоря уже о городской почте, письма могли доставляться в Петербург в тот же день (см., например, п. 14).

² К этому времени у Ремизова вышли в свет две книги сказок, причем обе были адресованы детской аудитории: «Посолонь», выпущенная московским журналом «Золотое руно» в декабре 1906 года (на титульном листе в соответствии с распространенной практикой относительно изданий, публикуемых в ноябре—декабре, значится 1907 год), и «Морщинка» (см. прим. 4 к наст. п.). Последняя появилась из печати не позднее конца апреля 1907 года, так как сохранившиеся экземпляры с инскриптами автора А. А. Блоку, сестрам З. Н. Гиппиус Татьяне Николаевне и Наталье Николаевне, А. В. Карташеву, В. В. Кузнецову и С. П. Ремизовой-Довгелло помечены Красной горкой, которая в тот год приходилась на 29 апреля (см. их описание: Волшебный мир Алексея Ремизова: Каталог выставки. СПб., 1992. С. 16). В самом конце апреля или в начале мая 1907 года издательство «Оры» выпустило еще одну ремизовскую книгу — «Лимонарь» (см. об этом в письме Ремизова Вяч. Иванову с неопределенной датой (п. 16): Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова / Вступ. статья, прим. и подг. писем А. Ремизова — А. М. Грачевой; подг. писем Вяч. Иванова — О. А. Кузнецовой // Вячеслав Иванов: Материалы и исследования. М., 1996. С. 93). Однако дарственная надпись жене на этом издании датирована только 14-м мая (Волшебный мир Алексея Ремизова. С. 16). Трудно предположить, что Чуковский мог получить «Лимонарь» раньше Серафимы Павловны. Скорее всего, автор раздаривал его в середине мая. Это косвенно подтверждается письмом заведующего художественным отделом журнала «Золотое руно» В. Д. Милиоти, который 16 мая 1907 года благодарил Ремизова за «Лимонарь» и «Морщинку», а также «еще раз» за «Посолонь» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 155. Л. 1).

³ В библиотеке Чуковского в Переделкино дореволюционные издания ремизовских книг с инскриптами автора не сохранились.

⁴ Эта сказка была выпущена в свет петербургским издательством «Шиповник» отдельной книжкой с иллюстрациями М. В. Добужинского в серии «Детская библиотека». Впоследствии Ремизов включил «Морщинку» во вторую редакцию «Посолоня», опубликованную тем же издательством в составе собрания его сочинений (СПб., 1911. Т. 6).

⁵ Чуковский Николай Корнеевич (1904—1965), впоследствии прозаик и переводчик.

⁶ Персонаж сказки «Морщинка».

⁷ Персонаж сказки «Морщинка». Авторскую интерпретацию этого образа см. в п. 6.

⁸ Вероятно, подразумевается не дошедший до нас первоначальный вариант статьи Чуковского о ранних произведениях Ремизова «Вселенская тошнота», опубликованной 11 (24) января 1909 года в газете «Речь» под шапкой «Заметки читателя».

⁹ Речь идет об отдельном издании романа «Пруд», который выпустило петербургское издательство «Сириус» в ноябре 1907 года (на титульном листе обозначен 1908 год; обложка работы М. В. Добужинского).

¹⁰ Рубрика в петербургской еженедельной «политической, общественной и литературной» газете «Судьба народа (Понедельник)», которая вышла весной 1907 года всего дважды: 30 апреля (№ 1) и 7 мая (№ 2), а затем в том же формате и с теми же участниками (их круг постепенно расширялся) стала издаваться под названием «Свободные мысли» (1907—1908, 1911 и 1917; № 1 выпущен 21 мая 1907 года). В обоих случаях редактором-издателем был Ф. Б. Давидсон. Чуковский принимал деятельное участие как в недолговечной «Судьбе народа», так и в «Свободных мыслях». Здесь публиковались не только его статьи и фельетоны, но, например, объявления о книгах «Поэт-анархист Уот Уитман» и «От Чехова до наших дней». А анонимный «Календарь писателя» был наполнен информацией о разнообразных культурных акциях русских жителей Куоккалы и о тех литературных и театральных событиях, которые интересовали именно Чуковского и его окружение. Так, 4 (17) июня 1907 года здесь, среди прочего, сообщалось о выходе в свет новой книги А. Ремизова «Морщинка» (Свободные мысли. № 3. С. 4; в конце рубрики сделана следующая приписка в скобках: «Гонорар по „Календарю писателя” с самого основания этого отдела идет в пользу безработных и голодающих», которая отсутствует в других номерах). Сам критик тоже не раз становился «персонажем» этой хроники.

¹¹ Имеется в виду Лидия Корнеевна Чуковская, которая родилась 11 (24) марта 1907 года.

6. Ремизов — Чуковскому

(после 2 мая 1907 года)¹

Дорогой Корней Иванович!

Клешня — олицетворение страха, который только и ждет таких, как мышки, чтобы ущемить.² А живет она в речке.

Все это для мышкиных глаз.

Бывает, что и «за дровами» живет и на «чердаке» живет и где(-)нибудь в овраге.

А то ходит в виде какой(-)нибудь тетки Анисьи.

Я про Клешню слышал в раннем детстве от одного кривого кузнеца, который будто — тогда так говорили — все знает.³ Вот эта Клешня да еще чей(-)то хвост остались у меня в памяти. Думаю, Клешня имеет корни.

«Пруд» выйдет осенью.⁴ Очень уж канительный этот «Сириус».⁵

Спасибо за Ваше заступничество.

А Ремизов

Кланяемся Марии Борисовне и поздравляем.⁶

¹ Датируется по содержанию. См. также прим. 1 к п. 5.

² Клешня — персонаж сказки «Морщинка» (см. прим. 4 к п. 5). Чуковский воспользовался этим пояснением автора в своем эссе «Психологические мотивы в творчестве Алексея Ремизова», где в свойственной ему критической манере сосредоточился исключительно на одной, взятой вне философского и мифологического контекста, теме страха в творчестве писателя. В результате ему пришлось объявить замечательные по точности найденной «детской» интонации сказки «Посолони» и «Морщинку» только лишь вместилищем «кошмаров ошпаренной жизни»: «... даже и в сказках для детей и в легендах Ремизов не в силах избыть свои неотступные страхи, и пуская там порою мелькнет светосное, нежное, ясное, — тем жутче, и злее, и сумрачнее нависнет над нами весь этот древний пугающий мир его сказок, и не потому ли так Ремизов предан нашей сказочной народной старине, что и у древних создателей мифов он чувствует такую же обалделую, дрожащую душу, как и у себя самого. (...) Воссоздавая народные мифы, он и в народе отметил и выдвинул одно единственное чувство: пугливость. У него нет общей с народом религии, он не чувствует с народом общих интересов и нужд, и только одно объединяет его со старинным человеком русским, это способность бояться» (цит. по: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 162). Эта тенденциозная и чрезвычайно далекая от подлинного содержания ремизовских сказок оценка Чуковского уникальна еще и тем, что резко расходится с мнением всех прочих критиков независимо от их приверженности тому или иному литературному направлению, единодушно противопоставивших «светлый мир» «Посолони» мрачной атмосфере

ранних романов и рассказов Ремизова (подробнее об этом см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 620—626; комментарий И. Ф. Даниловой).

³ В примечаниях ко второй редакции «Посолони» (1911) Ремизов указал: «Эту сказку («Морщинку». — *И. Д., Е. И.*) я слышал от старухи-няньки» (Там же. С. 174). Здесь подразумевается, что кривой кузнец — ведун, обладающий мистическим знанием.

⁴ См. прим. 9 к п. 5.

⁵ Издательство «Сириус» выпустило две книги Ремизова: роман «Пруд» и апокрифическую повесть «Что есть табак» (1908). Впоследствии писатель вспоминал об этом эпизоде своей «литературной карьеры» в «Петербургском буераке»: «„Копытчик“ — С. К. Маковский и с ним „кавалергарды“ С. Н. Тройницкий, А. А. Трубников, М. Н. Бурнашев и пятый Н. Н. Врангель основали издательство Сириус, и типографию. Первая книга издательства Сириус — мой „Пруд“ (СПб. 1908). (...) На вечере у Копытчика (...) был разговор о издании моей повести о „Табак“. (...) Разговор (...) продолжался у Тройницкого. (...) хозяин гордился своими изданиями (Сириус) — были книжки, изданные в единственном экземпляре! Мой „Табак“ решено было издать в количестве 25-ти именных экземпляров, без обозначения типографии, а только имя издателя (...) и ни одного в продажу. Так оно и было» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 228—229). В заключительной главе другой мемуарной книги «Мышкина дудочка», рассуждая о разных типах опаздывающих людей, Ремизов упомянул историю взаимоотношений с «Сириусом», и в частности свои деловые контакты с М. Н. Бурнашевым, который «три раза опаздывал на свою свадьбу»: «Хороший человек, прямо скажу, был этот Бурнашев, но какая была мука с корректурой: назначит, я приготовлю, а он не пришел. Я уж думал, и книга никогда не выйдет» (Там же. С. 171; речь идет о романе «Пруд»).

⁶ Ремизов от себя и от лица Серафимы Павловны поздравляет Чуковских с рождением дочери (см. прим. 11 к п. 5).

7. Ремизов — Чуковскому

17 декабря 1908 г(ода)

СПб., М(алый) Казачий пер. 9 кв. 34

Дорогой Корней Иванович!

Посылаю Вам заказн(ой) бандер(олью) «Часы», «Чортов лог» и, как премию, переводы.¹ Написал Сириусу, и он Вам доставит «Пруд».² Мне хотелось бы, чтобы Вы прочитали «Табак».³ К сожалению, я не могу Вам послать его, у меня один единственный экземпляр.

Но вы путешествуете по Петербургу.

Почему бы между Речью⁴ и Куоккалой Вам не заглянуть к нам на Казачий чаю попить, а кстати взглянуть на Табак.

А. Ремизов

Надпись на дверях у нас грозная, но Вы звоните во всю.

¹ Речь идет о романе Ремизова «Часы», а также о сборнике его рассказов и поэм «Чортов лог и Полуночное солнце», которые были выпущены петербургским издательством «EOS» соответственно в апреле и в первых числах января 1908 года (подробнее об этом см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. С. 468; комментарий И. Ф. Даниловой). Кроме того, здесь подразумевается изданное в 1908 году журналом «Театр и искусство» собрание ремизовских переводов пьес А. Штеенбуха «Любовь», Рашильд «Продавец солнца» и А. Жюда «Филотет или трактат о трех добродетелях».

² См. прим. 5 к п. 6 и прим. 9 к п. 5.

³ Имеется в виду апокриф Ремизова «Что есть табак. Гоносиева повесть», опубликованный в 1908 году совладельцем издательства «Сириус» С. Н. Тройницким ограниченным тиражом 25 именных экземпляров с рисунками К. А. Сомова. Подробнее об этом раритетном издании и о дальнейшей печатной судьбе повести в составе цикла «Заветные сказы» (1920) см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 677—683 (комментарий И. Ф. Даниловой). См. также прим. 5 к п. 6.

⁴ На протяжении почти десяти лет Чуковский был постоянным сотрудником петербургской газеты «Речь» (1906—1916; издатели Ю. Б. Бак, П. Н. Милкоков, В. Д. Набоков, И. И. Петрункевич). С мая 1907 года регулярно публиковал на ее страницах критические статьи и рецензии, в том числе посвященные произведениям Ремизова (см.: *Берман Д. А.* Кор-

ней Иванович Чуковский. Библиографический указатель. М., 1999. С. 57—66). Редактор «Речи» И. В. Гессен пишет о совместной работе с Чуковским в книге воспоминаний «В двух веках. Жизненный отчет» (Берлин, 1937).

8. Чуковский — Ремизову

(между 18 и 22 декабря 1908 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович.

Приезжайте к нам — Вы и Серафима Павловна и кто еще захочет приехать с Вами. На лыжах побегаем, пообедаем и, главное, поговорим с Вами о Ваших книгах.² Я прочитал их с упоением — спасибо Вам большое. Безумно жалею, что раньше их не читал. Если бы такое течение мистический анархизм — существовало на самом деле, Ваш роман мог бы быть манифестом этого анархизма.³ Тема «Часов» гениальная.⁴ Жаль, что мистического анархизма нету. Приезжайте же: я Вас кой о чем спрошу, чего не понимаю.

Живем мы от станции два шага. Дача Анненкова. Туда и обратно стоит 1 р. 20 к.

Привет Вам от моей жены и Вашей жене от меня.

Ваш Чуковский

¹ Датируется по содержанию.

² См. прим. 1 и 2 к п. 7, а также п. 9.

³ Подразумевается возникшее под влиянием первой русской революции течение в среде петербургских модернистов «мистический анархизм» (термин принадлежит его главному идеологу Г. И. Чулкову), суть которого заключалась в соединении индивидуализма, мистических чаяний и социального радикализма, прежде всего неприятия любых форм внешнего принуждения, в том числе государства. Вдохновителем этого направления был Вяч. Иванов с его идеей «соборности» как нового типа общественных отношений. Появление «мистического анархизма» стало симптомом надвигающегося «кризиса символизма». Оно сопровождалось бурной полемикой в среде писателей-символистов с последующим размежеванием на «москвичей», группировавшихся вокруг журнала «Весы», и «петербуржцев», публичной площадкой которых стали альманахи «Факелы» (выпущенная в 1907 году вторая книга этого альманаха полностью состояла из теоретических статей, посвященных «мистическому анархизму») и ивановское издательство «Оры» (подробнее об этом см.: Лавров А. В., Максимов Д. Е. «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 109—129; о дальнейшей судьбе анархистских идей в этой литературной среде см.: Обатнин Г. Русский модернизм и анархизм: Из наблюдений над темой // Эткиндовские чтения: Сб. статей по материалам Чтений памяти Е. Г. Эткинды. СПб., 2006. Вып. II—III. С. 100—137). Сотрудничавший в «Весах» Чуковский знал о том, что Ремизов, хотя и не принимал участия в разразившейся полемике и, более того, публично не идентифицировал себя ни с одной из существующих литературных групп, был тесным образом связан со столпами «мистического анархизма». Помимо постоянного участия в собраниях на «Башне» Вяч. Иванова, с 1 февраля 1905 года вплоть до закрытия журнала «Вопросы жизни» он занимал должность управляющего конторой этого ежемесячника, а секретарем редакции был Г. И. Чулков. Причем манифест Чулкова «О мистическом анархизме» помещался в № 7 «Вопросов жизни» за 1905 год непосредственно перед рецензией Ремизова на книгу Льва Шестова «Апофеоз беспочвенности». А в альманахе «Факелы» были опубликованы его рассказ «Серебряные ложки» (1906. Кн. 1) и пьеса «Бесовское действо» (1908. Кн. 3). Не исключено, что Чуковский, возобновивший контакты с писателем, как видно из переписки, после некоторого перерыва, пытался этой фразой вызвать его на откровенное выражение своей позиции. Тем более что индивидуалистический бунт главного героя «Часов» Кости Клочкова против власти времени действительно мог быть истолкован в духе идей «мистического анархизма». Однако впоследствии критик не воспользовался своим весьма глубоким наблюдением (см. прим. 4 к наст. п.).

⁴ Вскоре в статье «Вселенская тошнота» Чуковский определил эту «гениальную тему» ремизовского романа так: «Положительно можно сказать, что нет на свете такой мерзейшей мерзости, которой не описал бы Ремизов. (...) Ремизова т о ш н и т от мира, — от созерцания жизни. (...) он, как никто в нашей литературе, умеет передать читателю это свое чувство вселенской тошноты, мирового головокружения. (...) Прочтите роман „Часы“, — вы поймете, что

здесь широчайший захват, необъятные перспективы и что тошнота у Ремизова, поистине, мировая, вселенская и даже метафизическая тошнота. (...) Ремизов фатально неспособен изобразить какое-нибудь движение вперед, какое-нибудь развитие, созревание чего бы то ни было, — чувства или события; всякое нарастание явлений, всякая эволюция для него непередаваема: его романы топчутся на одном месте, и все у него „вдруг“, и все идет по кругу, уходит и вновь возвращается (так!), кружится, кружится без конца. Это мировое кружение „рвотных, блевотных, тошнотных“ сил — есть единственная тема Ремизова...» (Чуковский К. Заметки читателя. Вселенская тошнота // Речь. 1909. 11 (24) янв. № 10. С. 3).

9. Ремизов — Чуковскому

23 XII 1908/(190)9
5 I

Дорогой Корней Иванович!

Меня очень тронуло Ваше внимание к моим первым книгам — «Пруд» и «Часам». ¹ Готов разъяснить нелепость — грехи моего тогдашнего письма, когда не мог совладать с собой. ² Вы, наверное, будете 30 дек(абря) в Р(елигиозно-) Ф(илософском) О(бществе): Вячеслав Иванов прочитает о душе русской. ³ Может быть, там я рассказал бы вам, приехать никак не можем.

Сейчас — не думайте, что по привычке говорю, истинная правда! — сидим в отчаянии от позорной нищеты.

Кланяюсь дому Вашему.

Серафима Павловна ушла на урок. ⁴

А Ремизов

¹ Имеется в виду время написания романов «Пруд» (1901—1903) и «Часы» (1904). Об их первых изданиях отдельными книгами см. прим. 9 к п. 5 и прим. 1 к п. 7.

² Еще 24 июня 1906 года Ремизов писал о «Часах» Ф. К. Сологубу почти в тех же выражениях. Ср.: «Отделал большую вещь в роде чего то (так!), написанную первоначально в Киеве 2 года назад в состоянии ужасном, а потому ужасов нагромождено пропасть. Впрочем, нет это не от этого, — не умел владеть собой. Ну, это мой последний грех» (РГАЛИ. Ф. 2567. Оп. 2. Ед. хр. 410. Л. 4 об.).

³ Доклад Вяч. Иванова «О русской идее» был прочитан в Религиозно-философском обществе 30 декабря 1908 года одновременно с докладом А. А. Блока «Стихия и культура» (см. об этом: Блок А. 1) Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1962. Т. 5. С. 748; 2) Записные книжки. 1901—1920. М., 1965. С. 128). Впервые опубликован в № 1 журнала «Золотое руно» за 1909 год.

⁴ С. П. Ремизова-Довгелло преподавала в Рождественском коммерческом училище (Суворовский пр., 23), основанном в 1908 году женой прозаика С. Р. Минцлова Марией Алексеевной Минцловой (подробнее о ней см.: Русские писатели. 1800—1917. Биографический словарь. М., 1999. Т. 4. С. 84). Ее отношения с начальницей не сложились. К тому же та имела обыкновение «экономить» на учителях, не доплачивая им жалование под предлогом «замечаний». Впоследствии Ремизов изобразил Минцлову в повести «Крестовые сестры» под именем начальницы «образцовой» гимназии Ледневой (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. С. 157, 484, 497). В своей позднейшей мемуарной прозе писатель не раз обращался к этому эпизоду, однако перемещал его в 1906 год. Так, например, в книге «Кукха» он подан следующим образом: «„Образцовая“ гимназия, где учила С. П., оказалась просто мошеннической. Путаная история, в которой принимал участие и В. В. (Розанов. — И. Д., Е. И.), кончилась, и как всегда в таких случаях: тебя же обманут и тебя же обвинят» (Там же. Т. 7: Ахру. С. 67). А в «Петербургском буераке» акцент сделан на другой стороне инцидента: «Серафима Павловна через В. В. Розанова устроилась в гимназию Минцлова: начальница — жена Сергея Рудольфовича. С. П. было не очень легко, я заметил, не преподавание, а эта Минциха баба — все как следует, а мерка на людей самая пошлая (при Тредиаковском это слово переводилось как «средняя», «ограниченная»), стало быть, жди „замечаний“ и, конечно, все по программе и учебнику» (Там же. Т. 10: Петербургский буерак. С. 206).

10. Ремизов — Чуковскому

6 марта 1909 (года)

Дорогой Корней Иванович!

Вы будете на «Ночных плясках» Сологуба.¹
 Захватите, пожалуйста, «Табак» и «Пруд».²
 Очень прошу Вас.

А. Ремизов

На Ночных Плясках я буду,
 Играю там сон или кошмар³

М(алый) Казачий пер. 9 кв. 34.

Открытое письмо. Отправлено из Петербурга в тот же день по адресу: Куоккала Финляндской ж. д. Чуковскому Корнею Ивановичу. Получено 7 марта 1909 года. Штамп на лицевой стороне открытки неразборчив.

¹ Представление драматической сказки Ф. К. Сологуба «Ночные пляски» с участием литераторов и художников, в том числе С. М. Городецкого в роли поэта, А. М. Ремизова, Осипа Дымова, Л. С. Бакста, И. Я. Билибина, Б. М. Кустодиева и др., а также актрис Малого и Драматического театров и жен писателей, состоялось 9 марта 1909 года в Литейном театре. Режиссер — Н. Н. Евреинов, декорации — Н. М. Калмаков, музыка — В. А. Сенилов. Пляски двенадцати королевен-босоножек поставил М. М. Фокин в стилистике Айседоры Дункан. Весь сбор от этого благотворительного спектакля предназначался жертвам землетрясения в Мессине. 20 марта 1909 года он был повторен в Театральном зале А. И. Павловой на Троицкой ул., 13 уже без участия любителей. Подробнее об этом см. в комментарии Е. Р. Обатиной к книге «Кукха» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 557).

² Об этих книгах см. прим. 5 к п. 6, а также прим. 9 к п. 5 и прим. 3 к п. 7. Апокрифическая повесть «Что есть табак» вышла ограниченным тиражом и в продажу не поступала. Поэтому Ремизов давал читать потенциальным рецензентам собственный авторский экземпляр. 15 марта 1909 года он писал В. Ф. Ходасевичу: «О „Табак» я не забыл. Как только освободится, пришлю. Сначала его держал Ауслендер, статью писал и написал, но ее не приняли в „З(олотое) Р(уно)». Взял Чуковский и до сих пор не возвращает» (РГАЛИ. Ф. 537. Оп. 1. Ед. хр. 79. Л. 3). Статья С. А. Ауслендера, скорее всего, так и не появилась в печати. Чуковский же воздержался от специального отклика, однако процитировал «Табак» в обзоре «Русская литература (в 1909 году)» (см.: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 459).

³ В «Мышкиной дудочке» Ремизов вспоминал о своем участии в спектакле: «Я играл в Петербурге на любительском театре. Этот мой театральный выход в первый раз и единственный после моих пензенских трагических выступлений на настоящем театре (сослепу сбил кулису), когда я дал себе слово близко и носа не совать к занавесу. А был этот любительский спектакль по преимуществу писательский. И было это в годы между революциями (...) В пьесе „Ночные пляски” — ее сочинил для такого случая Ф. К. Сологуб — (...) я изображал „Кошмар”. (...) А режиссером был Н. Н. Евреинов. (...) Мы, актеры-любители — или малюголосье или скороглаголивые (...) И вот, несмотря на все наше убожество и безнадежность сделать нас, непутевых, путными, какой был громовой налет и растерзание у режиссера... » (цит. по: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 37—38).

11. Чуковский — Ремизову

(10 марта 1909 года)¹

Дорогой

Алексей Михайлович.

Ваша ко мне доброта делает меня свинью. Ради Бога, если есть хоть крошечная возможность и хоть капля времени, пришлите мне, пожалуйста, «Лимонарь».² Еще неделю назад она (книга. — И. Д., Е. И.) была у меня; теперь кто-то зажил — и вдруг понадобилась. Если же нет под рукой, не трудитесь; я в субботу буду в городе, достану.

Теперь по поводу «Жертвы».³ Почему Петр Николаевич любил кушанья сладкие? Почему П-а Н-ча никто не боялся из мужиков? Почему к обеду подали бычий язык? Какое слово сказал Петр Николаевич, благословляя Лиду? — Повелительное наклонение? Яйца в ямке — что это такое?

Задаю Вам вопросы немного как тупица (à la Сюн(н)ерберг⁴), но Вы, пожалуйста, так и отвечайте, как тупице же.⁵

Руку целую у Серафимы Павловны. Как хороши «Комедии» Кузмина и его «Александр».⁶ Вам нравится? Что за пустяки говорил на «Плясках» Василий Васильевич.⁷

Ваш Чуковский

Графу Алексею Н. Толстому⁸ привет. Боюсь я за Льва Николаевича.⁹ В ужасе думаю: придет от Гессен(а) телеграмма.¹⁰ Толстой умер сроч(о) пришлите заметку. Мне кажется, я заболел от горя.

¹ Датируется по содержанию.

² См. прим. 2 к п. 5. Зачем Чуковскому понадобился «Лимонарь», не ясно. Статей об этой книге Ремизова он не писал и лишь один раз упомянул ее в опубликованном «Речью» 1 (14) января 1908 года обзоре «Русская литература (в 1907 году)» (см.: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 6. С. 554).

³ Этот рассказ впервые опубликован в январском номере журнала «Весы» за 1909 год (№ 1. С. 42—56). Впоследствии он был включен Ремизовым в сборники «Рассказы» (СПб., 1910. С. 25—42) и «Зга» (Прага, 1925. С. 9—33), а также в первый том собрания сочинений (СПб., 1910. С. 167—186). Задаваемые далее вопросы по содержанию «Жертвы» имели практическую цель, так как уже 15 марта 1909 года на страницах «Речи» Чуковский пространно рассуждал о ремизовском рассказе в фельетоне «Веселое кладбище» (см. также: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 410—412).

⁴ Сюннерберг Константин Александрович (псевдоним Конст. Эрберг; 1871—1942) — поэт, критик, теоретик искусства.

⁵ Вопросы Чуковского свидетельствуют о том, что он тонко уловил одну из ключевых особенностей рассказа: система мотивов, относящихся к главному герою мертвецу Петру Николаевичу Бородину, указывает прежде всего на нарушение поведенческих норм, в том числе и в «сакральные» периоды народного календаря. Между тем читателю, не знакомому со специальной этнографической литературой, было довольно трудно воспринять этот смысловой пласт как последовательное разворачивающийся в «Жертве». Ср., например, следующий пассаж из письма З. Н. Гиппиус к С. П. Ремизовой-Довгелло от 9 февраля 1909 года: «...А. М-чу скажите (...), что я от него не ожидала столь грубой ошибки (в рассказе в «Весех», и рассказ-то нехороший). Скажите, что свадеб не бывает „на святках“, не бывает их с 12 ноября до 7 января (после Крещения)» (*Lamp! H. Zinaida Hippus an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach. 1978. Bd 1. S. 167*).

⁶ Имеются в виду основанная на сюжетах из Пролога книга М. А. Кузмина «Комедии. О Евдокии из Гелиополя. О Алексее человеке Божьем. О Мартиниане» (СПб.: Оры, 1909) и его «повесть в четырех книгах» об Александре Македонском «Подвиги Великого Александра» (Весы. 1909. № 1. С. 19—41; № 2. С. 17—34). Первые две части этой повести были помещены в журнале непосредственно перед рассказом Ремизова «Жертва».

⁷ Подразумевается В. В. Розанов. О посещении представления пьесы Ф. Сологуба «Ночные пляски» (см. прим. 1 и 3 к п. 10) он писал в коробе первом «Опавших листьев»: «Был Сологубовский вечер, с плясавицами («12 привидений?»). Народу тьма. Я сидел ряду в 16-ом и, воспользовавшись, что кто-то не сидел ряду в 3-м, к последнему действию перешел туда. Рядом дама лет 45. Так как все состояло вовсе не из „привидений“, а из открытых „досюда“ актис, то я в антракте сказал полусоседке, а отчасти „в воздух“: — Да, над всем этим смеются и около всего этого играют. А между тем как все это важно для здоровья! То есть чтобы все это жило, — отнюдь не запиралось, не отрицалось, — и чтобы все около этого совершилось вовремя, естественно и хорошо. (...) Как расцветают молодые матери! Как вырабатывается их характер, душа! Замужество — как второе рождение, как поправка к первому рождению! Где недоделали родители, доделывает муж. Он довершает девушку, и просто — тем, что он — муж» (цит. по: Розанов В. В. О себе и жизни своей / Сост., предисл., коммент. В. Г. Сукача. М., 1990. С. 258). Вероятно, эти или подобные им мысли Розанова стали предметом обсуждения в среде литераторов, и слухи о них дошли до Чуковского. Ремизов в своей книге о Розанове «Кукха» рассказывает, как на правах участника представления водил его за кулисы, но ни о каких специфически розановских разговорах при этом не упоминает (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 110).

⁸ Толстой Алексей Николаевич (1882—1945) — прозаик, драматург, поэт. В этот период находился в приятельских отношениях с Ремизовым.

⁹ Речь идет о Л. Н. Толстом. В течение января—февраля 1909 года ему нездоровилось. 1 марта началось воспаление вен, которое сопровождалось периодическим повышением температуры, общим недомоганием и слабостью; некоторое улучшение наступило только к 16 марта (подробнее об этом см.: *Толстой Л. Н.* Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 57. С. 31—39; *Гусев Н. Н.* Легопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого. 1891—1910. М., 1960. С. 673; *У Толстого. 1904—1910.* «Яснополянские записки» Д. П. Маковецкого // Лит. наследство. 1979. Т. 90. Кн. 3: 1908—1909 (январь—июнь). С. 344—358). Кроме того, в эти дни Толстой несколько раз «чувствовал близость смерти» (из дневниковой записи от 27 февраля 1909 года; см. также запись от 16 марта). Сведения о его состоянии попали в печать и вызвали резонанс в обществе.

¹⁰ Юрист, публицист, один из лидеров партии кадетов Иосиф Владимирович Гессен (1865—1943) был редактором-издателем газеты «Речь», в которой постоянно сотрудничал Чуковский. См. также прим. 4 к п. 7.

12. Ремизов — Чуковскому

11 марта 1909 <года>

Дорогой Корней Иванович!

О «Жертве» отвечаю по пунктам:¹ 1) сладкие кушанья — сладкое по вкусу и такому, как дитё, и такому, который одной ногой в могиле; доктора объяснили бы это по(-)научному, я же, имел перед собой лишь свои наблюдения, — мне известны и такие люди, которым ничего не хочется, хоть и тридцати им нет, а сладенького поесть — падки. Мертвецы в сказках кровь пьют, старика да старуху не съедят, а посылтней кем не побрезгуют. (*У Романова в Белорусском сборнике Вып. 4 Витебск 1891 отдел «Мертвецы»*).² Моего мертвеца, оставшегося в жизни силою жертвы, физически поддерживает куриная кровь да лакомства (нежное, ведь, все). 2) Мужики, как и чиновники и соседи — чего им его бояться! — видят только гримасу безносой смерти. Генерал — друг Петр(а) Никол(аевича), с которым связан был в самых ростках души своей, этот разглядел и ахнул. 3) Бычачий язык к столу подавали по затее П(етра) Н(иколаевича) и как раз, как известию придти, что дочь Лида повесилась. Удушенника язык что бычачий язык. В первую голову язык в глаза бросается. 4) Благословляя образом, сказал: «Ебитесь!» Другого ничего сказать не мог, только это ему и видно. 5) Яица в яме видеть во сне — к смерти (по народному поверью), к смертям. Тут еще и двусмысленность: венчают ведь. Батюшка, вроде Аг(г)еева,³ загригоготал, конечно.

Не знаю, удовлетворительны ли мои ответы, вразумительны ли толкования? «Лимонарь»⁴ у меня есть Наташин.⁵ Но если я Вам его пошлю заказ(ной) бандер(олью) завтра, то вы получите в субботу. Посылать ли, уж и не знаю.

Комедии Кузмина и Александр⁶ мне по душе очень. В понедельник лекция Вяч. Иванова⁷ в Зале Реформат(ского) училища св. Апост(олов) Петра и Павла. (*кажется, Б(ольшая) Конюшенная*)⁸ Вы будете?

О Бакстовой картине⁹ речь поведет.

А. Ремизов

¹ См. прим. 3 к п. 11.

² *Романов Е. Р.* Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4: Сказки космогонические и культурные. С. 124—152 (раздел «Мертвецы»; № 65—84). Перечисляемые Ремизовым свойства мертвецов не встречаются в сказках из собрания Романова. Поэтому ни одну из них нельзя назвать прямым источником «Жертвы». Вместе с тем писатель воспользовался некоторыми представленными здесь сюжетами при работе над другими произведениями. К тому же он, безусловно, обратил внимание на то, что отдельные мотивы этих текстов со всей очевидностью свидетельствуют о фольклорных истоках гоголевского «Вия» (см., например, № 75 «Пятрок-шавец и мертвая паненка»). Последнее было особенно важно для профессионального самоопределения Ремизова в качестве сказочника.

³ Аггеев Константин Маркович (1868—1919) — священник, богослов, либеральный мыслитель, участник Религиозно-философских собраний в Петербурге, член Петербургского и Московского религиозно-философских обществ. Неоднократно спорил с В. В. Розановым, в том числе по вопросу семьи и брака. Скорее всего, это обстоятельство и побудило Ремизова назвать Чуковскому именно его фамилию, ведь речь идет об эпизоде венчания, в котором отчетливо просматриваются кощунственные мотивы «кромешной» службы, подобной той, что изображена в апокрифической повести «Что есть табак», тесно связанной с «розановской темой» в творчестве писателя. Ср.: «...в церкви Петр Николаевич шепнул батюшке о. Ивану, что во сне яйца в яме видел, и хотя о. Иван не мог не знать дурного значения сна, но тогда показалось ему все в высшей степени несообразным и так все были настроены, что он не выдержал и, оборвав молитву, фыркнул на всю церковь, а за ним дьячок, державший теплоту, заржал уже без всякого стеснения и — пошло: не то венчали, не то гоготали, как в балагане» (цит. по: Ремизов А. Рассказы. СПб., 1910. С. 32—33).

⁴ См. прим. 2 к п. 5, а также прим. 2 к п. 11.

⁵ Ремизова Наталья Алексеевна (1904—1943) — дочь Ремизовых.

⁶ См. прим. 6 к п. 11.

⁷ Лекция Иванова «Древний ужас» состоялась 16 марта 1909 года. Под названием «„Древний ужас“». По поводу картины Л. Бакста „Terrog antiquus“» была опубликована в № 4 журнала «Золотое руно» за 1909 год, а затем включена в ивановский сборник «По звездам» (СПб., 1909). Подробнее о ее месте в творчестве писателя см.: *Обатнин Г. Иванов-мистик (Оккультные мотивы в поэзии и прозе Вячеслава Иванова (1907—1919))*. М., 2000. С. 129—131.

⁸ Слова, выделенные нами курсивом, приписаны снизу под названием училища. Здание Главного немецкого училища св. Петра (Петришуле) находится в глубине участка, некогда принадлежавшего немецкой лютеранской общине, за церковью св. Петра (Невский пр., 22—24). К нему можно подойти с трех сторон: от Невского проспекта, а также с Большой и с Малой Конюшенной улиц. Однако в справочной книге «Весь Петербург на 1909 год» указан только один официальный адрес: Большая Конюшенная ул., д. 10.

⁹ Имеется в виду картина Л. С. Бакста «Terrog antiquus» («Древний ужас», 1908), которая экспонировалась в начале 1909 года на выставке «Салон», устроенной С. К. Маковским в помещении музея и Меншиковских комнатах Первого кадетского корпуса в Петербурге.

13. Ремизов — Чуковскому

25 мая 1909 г(ода)

СПб. М(алый) Казачий пер. 9 кв. 34
А. Ремизов

Дорогой Корней Иванович!

Обращаюсь к Вам с просьбой, прошу Вас, если есть у Вас охота и возможность, переговорите с Марксом:¹ не пожелают ли они издать мою книгу последних рассказов и простых сказок.

Если я сам пойду и буду разговаривать, так толку не будет, — пожалуй и разговаривать не будут. Носил я книгу в «Шиповник».² Подержали ее там, повалили и вернули с обещанием впоследствии приступить к полному изданию моих сочинений.³ А мне, конечно, ждать 20—30 лет неудобно, мне хотелось бы сейчас, чтобы получить аванс и уехать на лето из Петербурга.

Встретил я Рославлева⁴ — Рославлев знаком с Кулаковым⁵ (Обществ(енная Польза),⁶ говорит, что по его соображениям Кулаков осенью примет книгу и тогда аванс, может быть, и дадут. Но я не уверен, все ли это так, как говорит Рославлев. И опять же ждать до осени.

Книгу я назвал «Караван — горюн», но если это название непонятно (в Шиповнике мне пришлось объяснять), то просто (—) Рассказы и сказки.⁷

Содержание книги Вам известно, может быть, только⁸ 2—3 рассказа и некоторые сказки не читали.

АЛЕКСЕЙ РЕМИЗОВ
КАРАВАН — ГОРЮН
Рассказы и сказки

I

Занофа
Суд Божий
Жертва
Царевна Мыпра

II

Казенная дача
Опера
По воле
По этапу

III

Бедовая доля { I ч(ась)
 { II ч(ась)
Мака

IV

Сказки

Звездочка
Пальцы
Розовая куколка
Таракашки
Погребение мухи(,) блохи и комара
Боры
Иван да Марья
Колдун
Ослиные уши
Мышенюк
Мужик-медведь
Жалостливая внучка
Про мертвеца и про разбойников
Собачий хвост
Небо пало
Хмель
Проклятой
Чудесные башмачки

БЕСОВСКОЕ ДЕЙСТВО

Музыка к Бес(овскому) действию М. Кузмина
Примечания
Содержание.

(В книге листов 15.)⁹

Корней Иванович, известите меня, как думаете. Или все это вообще не подходит для Маркса? Будете в Петербурге, зайдите. Я бы к Вам приехал, но прямо не в состоянии. Если Вам на Казачий не рука (так!), назначьте мне, куда придти.

А. Ремизов

¹ Подразумевается издательская фирма «Товарищество А. Ф. Маркса», с 1870 по 1917 год выпускавшая еженедельный иллюстрированный журнал «Нива» и всевозможные бесплатные приложения к нему, в том числе собрания сочинений русских классиков гигантскими по тем временам тиражами. Сам Маркс умер еще в 1904 году, и его дело продолжила вдова. С середины 1900-х годов Чуковский регулярно публиковал свои произведения в ежемесячных литературных приложениях к журналу «Нива», а в 1913 году по предложению издательства выступил в качестве редактора полного собрания сочинений В. Г. Короленко (подробнее об этом см.: *Динерштейн Е. А.* «Фабрикант» читателей А. Ф. Маркс. М., 1986. С. 227—228). В годы первой мировой войны в издательстве Маркса вышли его книги «Заговорили молчавшие» (четыре издания в 1915—1918 годах) и «Англия накануне победы» (1917). Кроме того, под той же издательской маркой в 1924 году были выпущены еще две книги Чуковского: «Александр Блок как человек и поэт» и «Две души М. Горького». Ремизову с его репутацией «декадента» долгое время не удавалось устроить рассказы или сказки в «Ниву». Только в 1914 году, будучи уже известным писателем, он начал печататься в этом журнале. Однако его книги фирма Маркса ни разу не издавала.

² Деловые контакты Ремизова с издательством «Шиповник» завязались осенью 1906 года. В 1907 году здесь вышла его книга «Морщинка» (см. прим. 4 к п. 5), а весной 1909 года в составе «шиповниковского» сборника в пользу пострадавших от землетрясения в Мессине «Италии» была опубликована сказка «Мышонок». Совладельцы издательства З. И. Гржебин и С. Ю. Копельман относились к произведениям писателя весьма доброжелательно, и потому, обращаясь к ним, Ремизов мог рассчитывать на успех.

³ Это обещание было выполнено через полтора года. 10 октября 1910 года Ремизов заключил договор с «Шиповником» на публикацию собрания сочинений (авторская копия соглашения с издательством сохранилась среди писем к нему С. Ю. Копельмана: РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 129. Л. 9—10), которое вышло в 1910—1911 годах. Подробнее об этом см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 4: Плачущая канава. С. 470, 482—483 (комментарий И. Ф. Даниловой к роману «Часы» и повести «Крестовые сестры»).

⁴ Рославлев Александр Степанович (1883—1920) — поэт, прозаик, публицист. Впоследствии Ремизов утверждал, что именно Рославлев уговорил торговца «ломаным железом» из Екатеринослава К. Л. Саксаганского организовать издательство «EOS» и опубликовать его роман «Часы» и сборник «Чортов лог» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 212—215).

⁵ Кулаков Петр Ефимович (1867—?) — этнограф, публицист, один из директоров-распорядителей книгоиздательского товарищества «Общественная польза», основанного в 1859 году Г. Д. Похитоновым.

⁶ Текст в скобках вписан над строкой.

⁷ Эта книга вышла в свет под названием «Рассказы» (см. прим. 5 к п. 16). Представленный далее состав сборника претерпел изменения. В его окончательный печатный вариант были включены только шесть из восемнадцати сказок раздела IV: «Звездочка», «Пальцы», «Розовая куколка», «Таракашки», «Погребение мухи, блохи и комара», «Колдун». А в разделе I произошла перестановка текстов.

⁸ Слово вставлено сверху.

⁹ Текст в скобках вписан слева от проспекта книги, помещенного в рамку. Следующий далее абзац и подпись Ремизова расположены в левом поле листа перпендикулярно основному тексту письма.

14. Чуковский — Ремизову

(2 июня 1909 года)¹

Дорогой Алексей Михайлович.

К сожалению, с «Трудом»² ничего не вышло. «Денег нет», то да сё. Через 10 дней приду за рассказом для «Нивы».³ Я сейчас нездоров, раскис — прощайте. Дай Вам Бог бодрости.

Ваш Чуковский

Открытое письмо. Отправлено по адресу: Петербург, М. Казачий пер. 9 Алексею Михайловичу Ремизову. Текст написан красными чернилами.

¹ Датируется по почтовым штемпелям: Kuokkala Куоккала 15. VI. 09 (н. с.); С. Петербург гор. почта 2—6—09 (с. с.).

² Возможно, имеется в виду типография петербургского Товарищества печатного и издательского дела «Труд», располагавшаяся в этот период на наб. Фонтанки, д. 86, неподалеку от Малого Казачьего пер., где жил Ремизов. Именно в ней печатался журнал «Театр и искусство», в котором принимал участие Чуковский, и в частности в № 49 за 1908 год опубликовал статью «Кинематограф». Под маркой журнала здесь же были напечатаны две книги ремизовских переводов: драма Иоганна Шлафа «Вейганд» (1907), а также сборник, включающий пьесы А. Штеенбуха, Рашильд и А. Жида (см. о нем в прим. 1 к п. 7). Кроме того, эта типография служила печатной базой для альманаха «Факелы» (о публикациях Ремизова в данном издании см. прим. 3 к п. 8). Не исключено, что Чуковский, бывая в «Труде» по каким-либо собственным делам, мог предложить Товариществу выпустить сборник писателя, о котором идет речь в предыдущем письме (см. п. 13 и прим. 5 к п. 16). Подобное предположение не противоречит издательской практике того времени.

³ Подразумевается рассказ «Таинственный зайчик» (см. прим. 1 к п. 17). Скорее всего, взять на себя хлопоты по его устройству в «Ниву» Чуковский решил в ответ на просьбу Ремизова переговорить с «Издательством А. Ф. Маркса» о сборнике «Караван — горюн» (см. прим. 1 к п. 13).

15. Чуковский — Ремизову

⟨11 июня 1909 года⟩¹

Дорогой

Алексей Михайлович!

К сожалению, в пятницу я в городе не буду.² Никак не вытанцовывается проклятый фельетон.³ Рукописи Вашей не получал.⁴ Если она послана на «Ниву», — я во вторник вручу ее редактору.⁵

Ваш Чуковский

¹ Датируется по помете Ремизова в левом верхнем углу с указанием даты письма Чуковского и под ней даты собственного ответа: «11 VI 1909 / 12 VI 1909». См. также письмо Чуковского от 2 июня 1909 года (п. 14) и ответное письмо Ремизова от 12 (25) июня, где есть упоминание: «Получил сегодня Ваше письмо от 11 VI» (п. 16).

² То есть 12 июня. См. обещание Чуковского в письме от 2 июня прийти к Ремизову через десять дней за рассказом для «Нивы» (п. 14).

³ Речь идет о фельетоне «Жеванная резинка» (Речь. 1909. 14 (27) июня. № 160. С. 2), посвященном «Яме» А. И. Куприна.

⁴ Имеется в виду рукопись рассказа «Таинственный зайчик» (см. прим. 1 к п. 17). О еесылке Чуковскому см. в п. 16.

⁵ В правом верхнем углу этого письма рукой Ремизова сделана помета: «Ул. Гоголя (М. Морская) № 22 Илья Моисеевич Эйзен.», т. е. указаны адрес конторы журнала «Нива», а также имя его секретаря и многолетнего редактора, которого подразумевает здесь Чуковский. В письме к А. Г. Горнфельду от 17 ноября 1915 года сам Эйзен назвал себя «старым редактором „Нивы“, более 20 лет связанным с каждым ее словом» (РНБ. Ф. 211 (Архив А. Г. Горнфельда). Ед. хр. 1126. Л. 1).

16. Ремизов — Чуковскому

12/25 VI 1909 ⟨года⟩
М⟨алый⟩ Казачий, 9 кв. 34.

Дорогой Корней Иванович!

Получил сегодня Ваше письмо от 11 VI. Рукопись¹ я послал в Куоккалу 6 VI (суббота) заказн(ой) бандер(олью) № 103 с Царскосельск(ого) вокзала (Витебск(ий) вокзал) по адресу: Корнею Ивановичу Чуковскому Куоккала. Финляндск(ой) ж. д.

Сейчас навел на вокзале справку: все послано так, как написано. Если в понедельник не получу от Вас открытку, что рукопись получили, перепишу и утром во вторник² доставлю в «Ниву».³

А как дальше. Может быть, и мне в назначенный Вами час придти в Ниву, или не надо приходить? Я нарочно послал Вам в Куоккалу, чтобы Вы прочитали и решили: подойдет или не подойдет рассказ к «Ниве».

23 июня собираемся уезжать.⁴ В случае удачи очень прошу Вас, скажите редактору, чтобы скорее все сделали: и прочитали и деньги дали.

«Караван — Горюн», теперь уж просто «Рассказы» через «Оракул» взял у меня «Прогресс».⁵ Печатать будет 2.000. Гонорар 175 р. (175 — 20 (Оракулу)⁶ = 155 р.) получил, 25 р. при выходе книги и через 1½ года, если разойдется книга, 100 р., если не разойдется, на 100 руб. книг.

За «Нивой» гонюсь, потому что к 23 июня останется, дай Бог, чтобы 100 р., а этого мало.

И как тогда сделать, если «Нива» примет, как получить деньги вперед, сколько просить за 1 л(ист)?

Вам это скучно, Корней Иванович

А. Ремизов

¹ Речь идет о рукописи рассказа «Таинственный зайчик» (см. прим. 1 к п. 17).

² Слова, выделенные нами курсивом, вставлены над строкой.

³ В этот день Чуковский намеревался вручить рассказ Ремизова редактору «Нивы» И. М. Эйзену (см. об этом в п. 15).

⁴ 23 июня Ремизовы отправились в путешествие по Волге на пароходе вместе с Р. В. Ивановым-Разумником и его семьей. См.: *Ремизов А. М.* Адреса его и маршруты поездок. 1905—1912 // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 12—13; Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.) / Публ. Е. Обатниной, В. Г. Белоуса и Ж. Шерона. Вступит. заметка и коммент. Е. Обатниной и В. Г. Белоуса // Иванов-Разумник. Личность. Творчество. Роль в культуре: Публикации и исследования. СПб., 1998. Вып. II. С. 35.

⁵ Петербургское издательство «Прогресс», владельцем которого был М. Г. Стракун, выпустило сборник «Рассказы» в 1910 году. (Об изменениях, внесенных в первоначальный состав книги, см. прим. 7 к п. 13.) В позднейшей интерпретации Ремизова ее устройство в печать выглядело так: «...Котылев, и поздороваться не успев, с первых же слов: „свинья“. И настаивая принять мою книгу „Рассказы“, изд. Прогресс, тыкал свиньей в Стракуна. Видно было, что Стракуна „свинья“ коробит, он, сдерживаясь, менялся в лице, и когда мы остались одни, Котылеву валадаться некогда, подпись схватил и прощай, Стракун сказал: „Какое обращение!“, но не договорил: „хамское“, остановился: за это „хамское“ было б, он это знал, „набить морду“, и это пустяки, а вот в газетах вернуть подозрительное словечко о его изданиях... Котылева тронуть — обожжешься» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 215). Получается, что способствовал выходу этого издания ремизовский приятель журналист Александр Иванович Котылев (1885—1917), и значит именно он скрывается здесь под загадочным псевдонимом «Оракул». Однако, как следует из текста письма, посредник взял за свои услуги 20 рублей. Между тем в мемуарах Ремизов неоднократно подчеркивал, что дружеское участие Котылева в перипетиях его «литературной карьеры» было бескорыстным. Возможно, под именем Оракула выступает не человек, а посредническая фирма вроде Товарищества «Издательское бюро», в которое обращался Чуковский, когда в 1908 году публиковал свои книги «Леонид Андреев большой и маленький. Жизнь Леонида Андреева» и «От Чехова до наших дней». Как следует из рекламных объявлений в газете «Судьба народа (Понедельник)» (1907. № 1 и 2), Товарищество вполне могло оказывать подобные услуги.

⁶ В оригинале («Оракулу») вставлено под цифрой 20.

17. Ремизов — Чуковскому

15 июня 1909 (года)

Дорогой Корней Иванович!

Оставляю в «Ниве» на Ваше имя рукопись — рассказ «Таинственный зайчик».¹ Если до Вас дошла рукопись в Финляндию,² ее не давайте в Ниву, а уничтожьте. Утром я не получил от Вас известия о получении, сел переписывать и по обыкновен-

нию, переписывая, начал исправлять: несколько вставок и другое название — не «Смерть», а «Таинственный зайчик».

Очень прошу Вас, Корней Иванович, поговорить с редактором,³ поскорее хотелось бы — хотелось бы уехать не 23 июня, а 21 в воскресенье.⁴

Заходите к нам после «Нивы» обедать.

А. Ремизов.

6 ч(асов) вечера — поспею ли в Ниву!

¹ Впервые опубликован в журнале «Русская мысль» (1909. № 10. С. 131—137). Впоследствии был включен в состав книг «В поле блакитном» (Берлин, 1922) и «Оля» (Париж, 1927), основанных на воспоминаниях С. П. Ремизовой-Довгелло о своем детстве и юности.

² См. об этом в п. 16.

³ См. прим. 5 к п. 15. Рассказ был отклонен «Нивой» (см. п. 19).

⁴ См. прим. 4 к п. 16.

18. Чуковский — Ремизову

{17 июня 1909 года? }¹

Дорогой Алексей

Михайлович!

Хочу писать о Вашем Апокрифе.² Мне нужны точные сведения, как и что. Простите, но молю Вас: приезжайте завтра ко мне. Коломенская 11, кв. 12. Ход с улицы, верхний этаж. С утра до 7 час(ов) вечера буду дома. Мне важнее всего — с утра — ну с 10, с 11 — до 1 часу. Хочу задать перцу невежественным сволочам.³

Ваш душою

Корней Чуковский.

Привет Серафиме Павловне.

Среда.

¹ Датируется на основании предположительного содержания. Скорее всего, письмо было написано в связи с появлением 16 июня 1909 года в вечернем выпуске газеты «Биржевые ведомости» статьи за подписью Мих. Миров «Писатель или списыватель?» (№ 11160. С. 5—6), содержащей обвинение Ремизова в плагиате, и отражает спонтанную реакцию Чуковского на это событие. Единственной средой между 16 и 23 июня, когда Ремизовы покинули Петербург (см. прим. 4 к п. 16), было 17-е число. См. также п. 20, к которому некогда был приложен печатный текст ремизовского ответа своим гонителям «Письмо в редакцию». Сам факт его отправки свидетельствует не только об интересе Чуковского к происшествию с писателем, но и о том, чью сторону он принял в данном деле, так как Ремизов рассылал это разъяснение только доброжелательно настроенным знакомым из числа литераторов.

² Ремизовские обработки апокрифических и фольклорных текстов, как правило, мало интересовали Чуковского. В его статьях обнаруживаются лишь редкие упоминания о подобных произведениях писателя или же довольно поверхностные интерпретации, свидетельствующие об их случайном характере (см., например, прим. 2 к п. 6). Поэтому внезапное желание критика писать об апокрифе может быть объяснено только исключительными обстоятельствами.

³ Вероятно, Чуковский решил вмешаться в скандал с обвинением Ремизова в «списывании» сказок «Мышонок» и «Небо пало» из этнографического сборника Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (см. прим. 1 к наст. п.; подробнее об этой истории см. во вступительной статье). Тем более что в этот период его контакты с писателем были особенно интенсивными. К примеру, злополучный номер газеты с изобличающей его статьей Ремизов купил на Финляндском вокзале, когда возвращался из Куоккалы от Чуковского (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 184—185; этот факт подтверждается ремизовской записью в «Адресах его и маршрутах поездок» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 3. Л. 12)). М. М. Пришвин (см. прим. 6 к п. 32), сделавший одну из фигурировавших в этом деле фольклорных записей, первым выступил в защиту писателя с «письмом в редакцию» «Плагиатор ли А. Ремизов?», которое попытался напечатать в газете «Речь», где постоянно сотрудничал Чуковский, а Ремизов к тому времени уже опубликовал две сказки и апокриф. Однако редакция отклонила его статью, мотивировав свой отказ нежеланием полемизировать с «Биржевыми ведомостями», о чем Пришвин сообщил писателю 20 июня 1909 года (см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову / Всту-

пит. статья, подгот. текста и прим. Е. Р. Обатниной // Русская литература. 1995. № 3. С. 168). Возможно, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие в письме Ремизова от 22 июня 1909 года (п. 19) какой-либо реакции на намерение Чуковского, а также отказ самого критика от его осуществления. История с обвинением Ремизова в плагиате была упомянута им 1 января 1910 года на страницах газеты «Речь» в годовом обзоре «Русская литература (в 1909 году)» (см.: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 460).

19. Ремизов — Чуковскому

⟨22 июня 1909 года⟩¹

Дорогой Корней Иванович!

Завтра уезжаем из Петербурга. Прошу Вас, пришлите, пожалуйста, «Тайнственного зайчика»² мне на Казачий (СПб. М. Казачий пер. 9 кв. 34) тот экземп⟨ляр⟩, который «Нива» вернула «согласно письму»³

Пускай он у меня полежит. Бог с ними, — с «Нивой» и др. В нашей квартире числа с 5-ого будет жить знакомый мой Соломон Леонтьевич Сегаль,⁴ которому я и адрес мой пришлю, и который мне всякие мелочи пересылать будет.

Оставляю Вам вещи, взятые из Куоккалы.

Серафима Павловна кланяется Вам и Марии Борисовне
и я тоже, конечно.

Всего Вам хорошего, Корней Иванович.

А. Ремизов

¹ Датируется по содержанию. См. прим. 4 к п. 16.

² См. прим. 1 к п. 17.

³ Слова, выделенные нами курсивом, приписаны на полях. Подробнее об эпизоде с несостоявшейся публикацией рассказа Ремизова «Тайнственный зайчик» в журнале «Нива» см. в п. 14—17.

⁴ Приятель Ремизова со времен его ссылки на Русский Север (1901—1903); владелец часового магазина в Вологде, в котором начинающий писатель, выпускник московского Александровского коммерческого училища, вел бухгалтерию. Работой в этом заведении была навеяна тема романа «Часы» (см. прим. 1 к п. 7), а отдельные реалии домашнего обихода Сегалей использованы автором при описании семьи Клочковых (подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачущая канава. С. 465—466; комментарий И. Ф. Даниловой). Несмотря на то что в «Часах» легко узнаваемые биографические детали трансформированы под воздействием общего замысла в весьма «нелицеприятном» ключе, Сегаль, в отличие от многих других прототипов ремизовских произведений, не обиделся на писателя и продолжал поддерживать с ним дружеские отношения (см. письма Ремизова к Сегально: ГЛМ. Ф. 156. И 50920/1—14. ОФ 6453/1—14; см. также: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу / Сост., подгот. текста, предисл. и прим. П. Альберга Енсена и П. У. Мёллера. Copenhagen, 1976. С. 22, 26, 34, 37 и 40; На вечерней заре: Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло / Подгот. текста и коммент. А. д'Амелия // Еуропа Orientalis. 1985. № 4. С. 157—158, 163, 166—168). В поздней мемуарной прозе Ремизов неизменно изображал его с большой теплотой (см., например: Ремизов А. М. 1) По карнизам. Белград, 1929. С. 37; 2) Собр. соч. Т. 8: Иверень. С. 243).

20. Ремизов — Чуковскому

Дорогой Корней Иванович!

Посылаю Вам письмо мое, напечатанное в Рус⟨ских⟩ Вед⟨омостях⟩ № 205 6 сен⟨тября⟩ 1909 ⟨года⟩.¹ Не хотелось мне письма этого писать, не умею я письма писать. Пришлось написать, — очень уж стали рекомендовать.²

А. Ремизо⟨в⟩

На днях в Петербург приеду.³

6 сент⟨ября⟩ 1909 ⟨года⟩.

Кланяюсь Марии Борисовне

¹ Речь идет о «Письме в редакцию», которое было написано 29 августа 1909 года и опубликовано сначала в газете «Русские ведомости» (1909. 6 сент. № 205. С. 5), а затем в журнале «Золотое руно» (1909. № 7—8—9. С. 145—148). Отвечая на обвинения в плагиате, прозвучавшие в подписанной псевдонимом Мих. Мирот статье «Писатель или списыватель?» (Биржевые ведомости. 1909. 16 июня. № 11160. С. 5—6), Ремизов сформулировал в этом «Письме...» ряд принципиальных положений. В частности, обозначил свой подход к фольклору и мифу и описал основные приемы в работе с этнографическим материалом. Этот текст, возникший под давлением обстоятельств, является, по существу, единственным в дореволюционный период прямым высказыванием писателя о предмете своего творчества, его литературным манифестом. Недаром Вяч. Иванов по получении письма от Ремизова записал в дневнике 7 сентября 1909 года: «От Ремизова письмоцо и вырезка из Рус. Вед. — письмо его к редактору по поводу обвинений в „плагиате“, обстоятельное и интересное как статья — о мифотворчестве, с очень широкими горизонтами. Думаю, что это заявление будет и нечто больше даже, чем „Ehrenrettung“ («спасение чести» — нем. *Red.*)» (Иванов В. Собр. соч. Брюссель, 1974. Т. II. С. 803). В связи с его посылкой Чуковскому см. также п. 18.

² Похожие мотивы звучат в письме Ремизова к Вяч. Иванову, отправленном одновременно с письмом к Чуковскому 6 сентября 1909 года. Ср.: «...люди сведущие настаивали на письме. (...) Письмо мне было трудно писать, надо было понятно и стилем принятым, и я сидел переписывая 3 вечера по крайней мере» (Переписка В. И. Иванова и А. М. Ремизова. С. 95). В книге «Петербургский буерак» писатель называл среди настаивавших на необходимости публичного ответа обвинителям прежде всего В. В. Розанова (подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 184—193).

³ Из Москвы, где находился с 21 августа, Ремизов вернулся в Петербург только 12 сентября (см.: Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок. Л. 12).

21. Ремизов — Чуковскому

Как жаль, что Вы не застали нас, дорогой Корней Иванович!

Буду ждать Вас в пятницу 9-го окт(ября): пойдете на Фонтанку, зайдите по пути.¹ Читал происшествие с Вами.² Мне тогда хотелось пройти, только побоялся: стал бы волноваться, а это мне теперь воспрещено особенно.³

Кланяемся Марии Борисовне

А. Ремизов

4/22⁴ (так!) окт(ября) 1909 (года).

Открытое письмо. Отправлено из Петербурга 5 октября 1909 года по адресу: дача Андерсена, как идти к Черной Речке. Получено в Куоккале 18 октября 1909 года (по н. с.).

¹ Скорее всего, подразумеваются редакция и типография издательства «Общественная польза» (см. прим. 5 к п. 13), которые располагались в собственном доме по адресу: Большая Подъяческая ул., д. 39. Это здание находилось на пересечении Большой Подъяческой ул. и Никольского пер. в нескольких сотнях метров от наб. Фонтанки между стоящими по красной линии домами 131 и 133. В 1909 году И. В. Гессен, с которым особенно активно сотрудничал в тот момент Чуковский (подробнее об этом см. прим. 10 к п. 11 и прим. 4 к п. 7), значился в справочнике «Весь Петербург» как директор-распорядитель Товарищества «Общественная польза» (см.: Весь Петербург на 1909 год. СПб., 1909. С. 186), и критик мог посещать своего патрона в газете «Речь» по этому адресу. Причем маршруты Чуковского с Финляндского вокзала, из редакции «Речи» на ул. Жуковского, д. 21, с Коломенской ул., д. 11, где в это время он снимал помещение в городе (см. п. 18), к зданию «Общественной пользы» пролегли мимо д. 96/1 по наб. Фонтанки, к которому непосредственно примыкал дом Ремизовых (по адресу: Малый Казачий пер., д. 9, кв. 34, они жили с 22 сентября 1907 года по 22 сентября 1911 года; см.: Ремизов А. М. Договоры и домашние условия с владельцами квартир на наем площади // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 6—28).

² Возможно, имеется в виду прочитанная 25 сентября 1909 года в Петербургском Литературном обществе лекция Чуковского о В. М. Гаршине, в ходе которой произошел скандал. 27 сентября 1909 года в газете «Речь» была помещена информационная заметка со следующим описанием этого происшествия: «Вообще, реферат носил характер чисто литературного, психологического исследования, чего, очевидно, не усвоили многие из возражавших Чуковскому. Они усмотрели здесь какую-то демонстрацию. Все, за исключением г. Морозова, ответили тоже демонстрацией. Особенно яростно нападали на доклад г. Д. А. Лиев. Доклад, по его мнению, хлесткий фельетон, которому место в газете... Чуковский парировал: „Я горжусь тем, что я фельетонист. Фельетон трудная и очень ответственная работа“. — После этих слов в переполнен-

ном зале поднимается шум, аплодисменты смешиваются со свистками и шиканьем... На эстраде г. Дымов. Он заявляет, что он из тех, кто свистал г. Линеву, и что в докладе Чуковского его привлекает оригинальная манера, которая ведет — как в других вещах этого критика — к выяснению основной сущности данного писателя. „Чуковского надо не хулить, не освистывать, его надо чествовать”, — заявил г. Дымов под свистки и рукоплескания публики. На эстраде г. Столпнер. Он не согласен с рефератом, но сегодня он не будет спорить, — он только выразил удивление, что в Литературном обществе никто не хочет говорить о литературе. Закрывает собрание Н. Ф. Анненский, заявляя, что хотя он не совсем согласен с выводами г. Чуковского, но признает в интересах литературного беспристрастия, что доклад написан с оригинальной точки зрения и что Литературное общество не только не погрешило, а напротив с удовольствием встречает подобные доклады». Лекция вызвала многочисленные отклики в печати, в частности В. Азова, Ф. Д. Батюшкова, В. Розанова и др. Подробнее об этом см. в предисловии Е. В. Ивановой и в ее комментариях к статье Чуковского «О Всеволоде Гаршине (Введение в характеристику)», в основу которой положен скандальный доклад: *Чуковский К. И.* Собр. соч. Т. 7. С. 13—17, 673—674. См. также: *Берман Д. А.* Корней Иванович Чуковский: Библиографический указатель. С. 326.

³ Вследствие переживаний, связанных с обвинением в плагиате (см. об этом во вступительной статье, а также в прим. 1 и 3 к п. 18 и в прим. 1 и 2 к п. 20), у Ремизова открылась язва желудка. Позднее он описал свое тогдашнее физическое состояние в главе «Язва» книги «Жуха» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 93).

⁴ Ошибка Ремизова: в XX веке по новому стилю 4 октября приходилось на 17-е, а не на 22-е число.

22. Чуковский — Ремизову

⟨17 ноября 1909 года⟩¹

Дорогой Алексей Михайлович.

В эту пятницу в 8 час(ов) веч(ера) в Соляном Городке в пользу детской санатории «Забота», в черном пиджаке, в волнении я буду читать лекцию «Навьи Чары Мелкого Беса» (путеводитель по Сологубу),² каковая лекция есть только начало моей статьи: Ф. Сологуб, А. Ремизов и С. Ценский³ — надеюсь, что Серафима Павловна и Вы удостоите меня своим присутствием. Это в пользу санатории для бедных детей — так что если Вы и С(ерафима) П(авловна) возьмете билеты по полтиннику — такие билеты, увы! — еще имеются в продаже, — то Вы сделаете доброе дело. Если же Вы не расположены сегодня к благодеяниям — черкните мне, я вышлю Вам контр-марку.

Марья Борисовна	{	кланяемся	{	Серафиме Павловне
и				и
я				Вам.

Ваш Чуковский

Куоккала (Ф⟨инляндская⟩ Ж⟨елезная⟩ Д⟨орога⟩), д⟨ача⟩ Анненкова, К. И. Чуковскому

Открытое письмо. Отправлено по адресу: Петербург М. Казачий, 9, кв. 34 Евс Алексею Михайловичу Ремизову.

¹ Датируется по почтовым штемпелям: Куоккала Куоккала 30. XI. 09; С.-Петербург гор. почта 18—11—09.

² Лекция состоялась 20 ноября 1909 года. Подробности этой акции Чуковский сообщил В. В. Розанову в 10-х числах ноября 1909 года: «Не придете ли 20-го ноября, в пятницу, вечером на мою лекцию в Соляной Городок? (...) Билет я Вам посылаю, но Вы купите билет. Это в пользу санатории для бедных детей — если бы Вы знали, что это за санатория! Мои знакомые (идеальные люди!) берут из разных трущоб больных детей, большей частью туберкулезных, делают этим детям на свой счет операцию и отправляют на поправку в Куоккала, где у них есть небольшая дачка. И через три-четыре месяца дети поправляются так, что их не узнают их же родители. Домой эти выздоровевшие дети не хотели ни за что. Когда летом я посетил эту „санаторию”, я дал себе слово непременно прочитать в пользу этого дома лекцию» (РГАЛИ. Ф. 419.

Оп. 1. Ед. хр. 724. Л. 156). Позже он написал о куоккальском санатории для детей в статье «Наша санатория», опубликованной 5 октября 1914 года в газете «Речь».

³ Статьи с таким содержанием у Чуковского нет, однако о каждом из названных здесь авторов он писал в своих критических работах этого периода (см.: Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 7; по указателю).

23. Ремизов — Чуковскому

24 апр(еля) 1910 (года)

Христос воскресел!¹

Дорогой

Корней Иванович!

Хотел Вам послать оттиск «Неуёмного бубна» (Альманах для всех. Кн(ига) 1. Изд(ание) Н(ового) Ж(урнала) д(ля) В(сех). 1910. Ц(ена) 60 к. СПб),² да мне оттиска-то не сделали. Попросил Елену Ивановну (Елена Ивановна сидит за кассою) послать Вам экз(емпляр) Альманаху (так!). Очень ошибок много и пропусков и каких(-)то вставок чудных:³ вдруг возьмут «о» куда-нибудь и втиснут, напр(имер:) «и доносит ветер О звон со старых звонниц и колоколен».

Я знал одного человека, который для выразительности прибавлял в конце фразы «ЕГО». Стало быть, это вообще-то бывает.

На стр(анице) 63 4 стр(ока) снизу «НОС» пропустили.

напечатано:

Осталось, — его за три версты увидишь — длинный.

надо:

Осталось, нос — его за три версты увидишь — длинный.⁴

При беглом чтении насчитал 28 ошибок.

Стр. 62, 63, 64, 65, 67, 71, 74, 76, 77, 81, 82, 83, 86, 88, 93, 95, 99, 101, 102, 104, 105 $\sqrt{\quad}$ и поистертое 5 сверху⁵ 107, 111, 125, 130, 133, 135

Видите сколько!

В «Тропинке» № 8 от 15 апр(еля) помещена моя «Пасха» (глава из той большой повести, куда входит и «Таинственный Зайчик»)⁶

Оттиски не делают. Но вы получаете «Тропинку».

В У(тре) России в № 124 (Вел(икая) Пятница)⁷ от 16 IV напечатаны «Страсти Пресвятыя Богородицы». Их я в Лимонарь вставлю.⁸

И опять со мною история вышла.⁹ Я мог бы смело никакого примечания не писать к «Страстям» этим, так как лишь [намёк источника]¹⁰ источник грузинский, на который ссылаюсь(,)¹¹ только намекнул мне развить тему. Я послал письмо в У(тро) Р(оссии) — ответ А. Хаханову, который обвиняет меня в недобросовестном составлении примечаний.¹² Письмо А. Хаханова в У(тре) Р(оссии) № 125 от 17 IV (Вел(икая) Суббота).¹³ Письмо мое не напечатали.¹⁴ Посылаю Вам его. Не умею я писать эти письма деловые.¹⁵ Я от Вас одно доброе видел и считаю долгом письмо мое послать Вам, чтобы знали Вы.

Всего вам хорошего. Кланяюсь Марии Борисовне.

В мае пригласите нас к себе, опять(-)таки — днем приедем, а вечером уедем — со мною больше не случится ничего, верую, и Вам не надо будет к доктору водить (так!)

А. Ремизов

Мое примечание к «Страстям Пресвятыя Богородицы»¹⁶ Утро России № 124 от 16 IV. 1910

«При сочинении повести я пользовался грузинскою рукописью XVII века И. Д. Суханова — „Плач Пресвятой Богородицы Марии в Великий Четверг, когда видела

Сына своего Распятого на кресте” и Извлечением из рукописи XVIII в(ека). Обе помещены в Чтениях Императорского Общества истории и древностей российских при Московском университете 1895 г(од) кн(ига) 1»¹⁷

В ответ на письмо А. С. Хаханова*¹⁸
по поводу моего рассказа «Страсти
Пресвятыя Богородицы»¹⁹
(Письмо в Редакцию)

Высоко ценя «Очерки по истории грузинской словесности» А. Хаханова,²⁰ которые дали мне много поучительного и многому научили меня, позволяю себе заметить, что для сочинения «Страстей Пресвятыя Богородицы» я пользовался единственно лишь текстами, приводимыми А. Хахановым, нисколько не касаясь ценных розысканий (так!) А. Хаханова. И потому в газетном примечании к моему рассказу я ограничился лишь ссылкой на кн(игу) I Чтений Императорского общества истории и древностей российских при Московском университете за 1895 г(од), где напечатаны эти тексты.

Для широкой публики, полагаю, важно указание на то, какому народу принадлежат тексты, которыми я пользовался для моего сочинения

(русского),²¹

а не имя собирателя этих текстов, хотя бы и ученейшего и высоко уважаемого в науке исторической. Для специалистов же, которые одни²² лишь могут определить, в чем заключалось мое пользование текстами, полагаю, в газетном примечании достаточно моей ссылки на кн(игу) I Чтений за 1895 г(од).

Само собою, в моем готовящемся в настоящее время вторым изданием Лимонаре я не премину упомянуть в примечаниях имя А. Хаханова, открывшего текст, а также упомяну соответствующие страницы и все годы и города изданий ученых сочинений А. Хаханова и со всею точностью.

Замечание же, сделанное А. Хахановым относительно моей недобросовестности: «полагаю, — пишет А. Хаханов, — что ссылка на источник должна быть сделана точно и добросовестно»²³ — это замечание оставляю на совести ученого.

Алексей Ремизов²⁴

Петербург

18 апр(еля) 1910 (года)

(Светло-Христово Воскресение)²⁵

¹ Пасхальное приветствие написано красными чернилами, остальное письмо — черными.

² Повесть Ремизова «Неуемный бубен» помещена здесь на с. 57—138. По свидетельству самого автора, она была написана под впечатлением от рассказов его приятеля, юриста и археолога, знатока русской старины, основателя Романовский музей в г. Костроме, И. А. Рязановского. Весной 1909 года Ремизов прочел повесть на вечере в редакции журнала «Аполлон». Возможно, о том, какое сильное впечатление это чтение произвело на некоторых слушателей, стало известно Чуковскому. Не случайно в письме от 13 мая 1910 года (п. 26) он предлагает писателю обратиться с предложением опубликовать сборник, открываемый «Неуемным бубном» (см. об этом в п. 25), именно к редактору «Аполлона» С. К. Маковскому. Между тем журнал отказался поместить повесть. И тогда, при содействии А. И. Котылева, Ремизов отдал ее Н. А. Бенштейну в альманах «Нового журнала для всех» (подробнее об этом см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 193—195, 470—472; комментарий А. М. Грачевой). Вскоре она вошла в первый том «шиповниковского» собрания сочинений писателя (см. прим. 3 к п. 13), а в 1922 году была опубликована в Берлине отдельным изданием под заглавием «Повесть о Иване Семеновиче Стратилатове».

³ Действительно, в «Альманахе для всех» текст повести набран крайне небрежно и отличается большим количеством очевидных опечаток, причем далеко не все из них замечены Ремизовым «при беглом чтении» и указаны далее.

⁴ В печатном тексте это не самостоятельное предложение, а фрагмент из середины более длинной фразы.

⁵ В оригинале это примечание Ремизова, выделенное нами курсивом, показано стрелкой вниз от цифры 105. (Остальные цифры в том же ряду.) Смысл его не ясен, так как в экземпляре первой книги «Альманаха для всех», хранящемся в Российской национальной библиотеке, подобная опечатка отсутствует.

⁶ Речь идет о замысле, который Ремизову удалось осуществить лишь в 1920-е годы, когда рассказы «Пасха» и «Таинственный зайчик» вошли в качестве глав в первую часть повести «Оля», получившую название «В поле блажитгом». Ранее она была опубликована как законченное произведение. См. также прим. 1 к п. 17.

⁷ Слова в скобках, выделенные нами курсивом, вставлены над строкой.

⁸ Легенда «Страсти Пресвятыя Богородицы» была напечатана в предпасхальном номере московской еженедельной газеты «Утро России» на с. 2 и имела подзаголовок «Рассказ Алексея Ремизова». Впоследствии она вошла во вторую редакцию книги «Лимонарь» (см. прим. 2 к п. 5), опубликованную в 1912 году в составе седьмого тома собрания сочинений Ремизова («Отреченные повести»), где к основному тексту прибавился раздел «Паралипоменон».

⁹ Ремизов подразумевает прошлогодний скандал с обвинением его в плагиате, которое муссировалось в прессе летом 1909 года (см. об этом в прим. 3 к п. 18 и в прим. 1 к п. 20). «Утро России» не принимало участия в обсуждении этой темы и, судя по редакционной переписке, всегда держало себя с писателем предельно корректно. Сотрудничество Ремизова с этой газетой началось еще в 1907 году, однако затем было прервано из-за приостановки издания. В октябре 1909 года редакция обратилась к нему с призывом возобновить совместную работу. А 11 апреля 1910 года — с просьбой срочно («Четвергу утром», т. е. к 15 апреля) прислать один из предложенных писателем рассказов, а именно «Страсти Пресвятыя Богородицы» (см. об этом: «Утро России», редакция газеты. Письма (3) Алексею Михайловичу Ремизову. 1907—1910 // РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 223). Таким образом, инициатива данной публикации исходила от самой газеты. Тем большее удивление вызывает та оперативность, с которой было напечатано направленное против Ремизова письмо А. С. Хаханова. Это произошло 17 апреля, т. е. на следующий день после выхода в свет номера с ремизовским пересказом грузинской легенды. Даже если предположить, что Хаханов являлся подписчиком «Утра России» и сочинил свою отповедь недобросовестному писателю сразу же после прочтения его текста за утренним чаем, нельзя не учитывать того обстоятельства, что дело происходило в кульминационный момент Страстной недели, когда газета была озабочена прежде всего материалом для пасхального номера (18 апреля в «Утре России» были опубликованы рассказы Ф. Сологуба, М. Горького, А. Куприна, А. Амфитеатрова, а также исследование С. Плевако «Преступление Иуды с юридической точки зрения»), да и сама по себе «обличительная» тема явно не соответствовала покаянному настроению Великой Субботы. К тому же с публикацией ответа Ремизова Хаханову, который на этот раз был написан без промедления уже 18 апреля, газета не спешила, и он появился в «Утре России» только 25 числа. Возможно, все это лишь цепь случайных событий. Тем более что история не имела продолжения, а сам Ремизов не считал необходимым разрывать отношения с этим печатным органом и позднее ни разу не упомянул об инциденте в своей мемуарной прозе. Однако нельзя исключить, что кто-либо из сотрудников редакции, желая повторить прошлогодний «успех» и запустить новый виток литературного скандала, который, как известно, приносит дивиденды всем вовлеченным в него сторонам, заранее подготовил эту акцию, познакомив Хаханова с ремизовским текстом еще до его публикации.

¹⁰ Слова в квадратных скобках зачеркнуты Ремизовым.

¹¹ После истории с обвинением в плагиате, когда обличители Ремизова особенно настаивали на необходимости указывать тексты-источники его пересказов, писатель внимательно следил за тем, чтобы из публикаций в периодической печати подобные авторские пояснения ни в коем случае не исключались редакторами, как это произошло со сказками, давшими повод для нападок. В данном случае ссылка на грузинский источник была сделана в примечании к подзаголовку «Рассказ Алексея Ремизова». Здесь оно приводится в конце письма сразу после подписи.

¹² Хаханов Александр Соломонович (наст. фам. Хаханашвили; 1864—1912) — историк Грузии, археолог и филолог, профессор Московского университета, общественный деятель (см. о нем: Некролог А. С. Хаханова (1864—1912). Отгиск из «Древностей Востока», т. 3. М., 1912; Сулаберидзе Ю. Роль А. С. Хаханашвили в развитии грузино-русских культурных взаимоотношений конца XIX—начала XX века. Тбилиси, 1980). 17 апреля 1910 года газета «Утро России» опубликовала «письмо в редакцию» за подписью А. Хаханова «По поводу рассказа А. Ремизова „Страсти Пресвятыя Богородицы“» следующего содержания: «В интересах восстановления истины следует отметить, что рассказ Алексея Ремизова „Страсти Пресвятыя Богородицы“ («Утро России» № 124) основан не на непосредственном знакомстве автора с грузинскими рукописями XVII и XVIII в., как он уверяет, а на моей работе, помещенной в „Чтениях Императорского общества историк и древностей российских при московском университете“ за 1895 г., кн. I, вошедшей впоследствии в первый выпуск моих „Очерков по истории грузинской словесности“ под заглавием *Народный эпос и апокрифы* (М. 1905 г.). Если даже допустить невероятное предположение, что автор рассказа владеет грузинским языком, (он) не мог пользоваться

грузинскую рукописью XVII в. И. Д. Суханова „Плач Пресвятой Богородицы в Великий четверг, когда видела Сына своего Распятого на кресте”, по тому одному, что названная рукопись была открыта впервые мною, хранится у меня и никто ее, кроме меня, не видал. Следует к этому прибавить, что попавшая с корректурной опечаткой в мою работу фамилия владельца грузинской рукописи *Суханов* вместо *Сулханов* также обличает, что г. Ремизов дело имел не с грузинской рукописью, а с моей работой на русском языке, изложенной на страницах 215—216 и 219—222. Полагаю, что ссылка на источник должна быть сделана точно и добросовестно» (№ 125. С. 4; курсив принадлежит Хаханову; в выходных данных «Очерков...», возможно, ошибка, так как на титульном листе этого издания (см. прим. 20 к наст. п.) значится 1895 год). Итак, Хаханов требовал от писателя научной точности при составлении примечаний, в то время как для Ремизова они имели совершенно иной, собственно художественный смысл и прежде всего должны были способствовать вовлечению заинтересованного читателя в игру с текстом-источником с тем, чтобы побудить его к сотворчеству в деле воссоздания народного мифа. Об этом, в частности, шла речь в ремизовском «Письме в редакцию» 1909 года (см. прим. 1 к п. 20).

¹³ Название газеты и выходные данные заключены в рамку красными чернилами.

¹⁴ Приводимое далее «письмо в редакцию» Ремизова было напечатано 25 апреля. См.: *Ремизов Алексей*. В ответ на письмо А. С. Хаханова по поводу моего рассказа «Страсти Пресвятыя Богородицы». (Письмо в редакцию) // Утро России. 1910. 25 апр. № 131. С. 5.

¹⁵ Ср. прим. 2 к п. 20.

¹⁶ Написано красными чернилами.

¹⁷ В «Утре России» это примечание помещено на с. 2 и имеет незначительные разночтения с приводимым здесь текстом.

¹⁸ В оригинале астериском отмечено подстрочное примечание Ремизова: «*У(тро) Р(оссии) № 125 от 17 IV 1910».

¹⁹ Заголовок «письма в редакцию» написан красными чернилами.

²⁰ *Хаханов А. С.* Очерки по истории грузинской словесности. Выпуск первый: Народный эпос и апокрифы. М.: Университетская типография, Страстной бульвар, 1895. На обороте титула: Из «Чтений в Императорском Обществе Истории и Древностей Российских при Московском Университете». Действительно, как отмечает Хаханов в своем «письме в редакцию», на с. 215 владельцем рукописи назван И. Д. Суханов, а на с. 216 и 217 — г. Сулханов». Ремизов выполнил обещанное в ответном письме Хаханову и сделал ссылку на его «Очерки...» в примечаниях к «Лимонарю» (см. прим. 8 к наст. п.), причем, доверившись «точности и добросовестности» самого ученого, указал в выходных данных 1905 год.

²¹ В печатном варианте текста это слово дано в подбор, без скобок, в запятых и курсивом.

²² В оригинале описка: «одно», исправленная в печатном варианте текста.

²³ В печатном варианте текста слово «добросовестно» взято в кавычки и закурсивлено.

²⁴ Подпись красными чернилами.

²⁵ В печатном варианте текста указание на дату по церковному празднику в скобках отсутствует.

24. Чуковский — Ремизову

⟨29 апреля 1910 года⟩¹

Милый Алексей Михайлович! Ремизов есть Ремизов, а Хаханов — Хаханов.² Поверьте, что никто не смешает. Напрасно он кипятится. Поверьте моему опыту, [а меня лягали и лягают не одни ослы, но и зайцы]³ — надейтесь только на свой талант, а не на письма в редакцию.⁴ Ваше письмо напечатано в «Утре России»,⁵ и Марья Борисовна находит его превосходным. Но если б оно ничего не разъясняло, то «Неумный Бубен»⁶ (только что мною прочитанный!) — может все разъяснить, и всегда сделать Вас правым. Какая прозрачная, отчетливая вещь — это (так!) «Бубен»; чувствую, что в нем — «Новый Ремизов».⁷ Мы живем теперь в 5 минутах от станции, и потому Вам путешествие в Куоккала будет значительно легче теперь. Тысяча приветов Сераф(име) Павловне.

Ваш Чуковский

Почтовая карточка. Отправлена по адресу: Петербург Алексею М. Ремизову Малый Казачий пер. 9 кв. 34.

¹ Датируется по почтовым штемпелям: Kuokkala / Куоккала 12. V. 10; С.-Петербург гор. почта 30—4—10.

² Имеется в виду инцидент с А. С. Хахановым. См. прим. 12 к п. 23.

³ Так в оригинале: текст в квадратных скобках.

⁴ Ср. это мнение Чуковского с позицией С. М. Городецкого, который, как известно, тоже использовал фольклор и этнографические материалы в своем мифотворчестве. 27 апреля 1910 года поэт писал Ремизову в связи с данным инцидентом: «Ваше письмо — как видели — уже напечатано в „У(тре) Р(оссии)“. Попробую еще воспроизвести его в „З(олотом) Р(уне)“. Аничкова по-моему приобщить хорошо. А контору „Утра Р(оссии)“ донимайте письмами и открытками» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 95. Л. 12). Однако стороны отказались от дальнейшей эскалации конфликта. Возможно, желая таким способом «извиниться» перед писателем, осенью 1910 года газета опубликовала статью Петра Кожевникова «Коллекция А. М. Ремизова. (Творимый апокриф)» (Утро России. 1910. 7 сент. № 243. С. 2) с восторженным описанием его домашнего собрания игрушек, многие из которых стали прототипами персонажей ремизовских сказок, прежде всего из книги «Посолонь». На этом история завершилась.

⁵ См. прим. 14 к п. 23.

⁶ См. прим. 2 к п. 23.

⁷ Вскоре Чуковский написал рецензию на эту повесть (см. прим. 3 к п. 25).

25. Ремизов — Чуковскому

11 мая 1910 (года).

М(алый) Казачий пер. 9 кв. 34.

Дорогой Корней Иванович!

Приходит лето, уезжать надо и т. д. Все, что и в прошлом году, если не хуже на счет средств всяких. Но есть средство. И нет его по правде(-)то, а придумал его. Я могу издать книжку.¹ Если собрать написанные (так!) за этот год (1909—1910) да прибавить (Трагедию о Иуде 1908 г(ода)) да несколько сказок (пересказов и обработок),² то выйдет книга листов в 12.

Не хотел этого делать и думать об этом не хотел, да видно придется.

Не найдется ли у Вас издательства, которому Вы могли бы порекомендовать меня, которое послушалось бы Вас.³

Аванс надобен руб(лей) в 400.

Книгу печатать можно в 3000 эк(земпляров). 200 р(ублей) за 1000. А деньги непременно вперед, ну не все 600, ну хоть 400.

Мне надо в санаторию определиться.⁴ Я там за 2а месяца хоть что(-)нибудь кончил бы из начатого весною.⁵

В книгу вошли бы.

1) Неуёмный бубен⁶

2) Таинственный зайчик⁷

3) Пасха⁸

4) Стан Половецкий (другое название

только дам,

какое(-)нибудь такое,

чтобы определяло,

что «С(тан) п(оловецкий)» это введение

в большой роман)⁹

5) Сказки (все на народ(ных) основанн(ые))¹⁰

а) Лихая

б) Желанная

в) Суженая

г) Воры

д) Разбойники

- f) Воры (другие)¹¹
- g) Летун
- i) Чудесный огонь
- k) Чудесные башмачки
- l) Собачий хвост

и т. д.

6) Трагедия о Иуде Принце Искаротском¹²

Примечания

Кланяемся Марии Борисовне

В унынии находимся в большом, но верую и надеюсь.

А. Ремизов

¹ За год до этого Ремизов находился в аналогичном финансовом положении и в письме от 25 мая 1909 года обуждал с Чуковским похожий проект издания «книги последних рассказов и простых сказок», с тем чтобы «получить аванс и уехать на лето из Петербурга» (см. п. 13). Тогда усилия писателя увенчались успехом: ему удалось заключить договор с издательством «Прогресс», которое вскоре выпустило и сам сборник под названием «Рассказы» (подробнее об этом см. в прим. 5 к п. 16 и в прим. 7 к п. 13). Вдохновленный прошлогодней удачей, Ремизов попытался разрешить свои материальные проблемы тем же проверенным способом. Однако на сей раз этим планам суждено было осуществиться лишь отчасти. Во второй половине мая и начале июня писатель получил официальные письма с отказом приобрести его сборник от «Товарищества М. О. Вольф» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 172; письмо датировано 29 мая 1910 года), Товарищества «Общественная польза» (Там же. Ед. хр. 162; 2 июня 1910 года), Московского книгоиздательства (Там же. Ед. хр. 160; 4 июня 1910 года) и др. Вместе с тем уже 1 июня 1910 года издательство «Шиповник» заключило с ним договор на публикацию книги «„Неуемный бубен“ и другие рассказы» (хранится среди писем Ремизова С. Ю. Копельману: Там же. Ед. хр. 129. Л. 8—8 об.). Таким образом, практическая цель была достигнута и аванс получен. Но сборник так и не увидел свет, потому что уже осенью 1910 года «Шиповник» полностью сосредоточился на выпуске собрания сочинений писателя (см. об этом в прим. 3 к п. 13).

² Действительно, большинство рассказов и сказок предполагаемого сборника были написаны и опубликованы в 1909—1910 годах. Только «Трагедия о Иуде, принце Искаротском», а также сказки «Воры» и «Чудесные башмачки» датированы 1908 годом. Однако лишь сказка «Воры» сразу же попала в печать. Подробнее об издательской судьбе этих текстов см.: *Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Ét. par Héléne Sinany. Paris, 1978* (по указателю); *Lampl H. Bemerkungen und Ergänzungen zur Bibliographie A. M. Remizovs (Bibliographie des œuvres de Alexis Remizov / Établie par Héléne Sinany. Paris, 1978) // Wiener Slawistischer Almanach. 1978. Bd 2. S. 309—326.*

³ В ответном письме Чуковский предложил переговорить с владельцами издательств «Шиповник» и «Просвещение», а кроме того, с редактором журнала «Аполлон» С. К. Маковским, но недвусмысленно дал понять Ремизову, что он в состоянии сделать это сам (см. п. 26). Между тем инцидент с Хахановым (см. об этом в п. 23) и ремизовские попытки выпустить новый сборник побудили критика написать рецензию на его книгу «Рассказы» и повесть «Неуемный бубен» (*Чуковский К. И. Последние рассказы А. Ремизова // Речь. 1910. 14 (27) июня. № 160. С. 3).*

⁴ Из-за пережитой летом 1909 года газетной травли в связи с обвинением в плагиате у Ремизова открылась язва желудка (см. прим. 3 к п. 21), и он нуждался в серьезном лечении. С 1 по 30 июня 1910 года писатель находился в санатории М. М. Волковой в деревне Тур-Килы (Уси-Кирко, Финляндия) (см.: *Ремизов А. М. Адреса его и маршруты поездок. Л. 14).* 18 сентября 1910 года, вернувшись в Петербург после летнего отдыха, Ремизов сообщил своему другу И. А. Рязановскому: «Поехал я в Москву доктору показываться. Лечение оставлено старое еще на год. Реакция Вебера из резко выраженной перешла в положительную просто, т. е. язвизвление желудка моего осталось, но язвы утихают» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 31. Л. 12).

⁵ В это время Ремизов начал работать над повестью «Крестовые сестры» и продолжал отделывать ее все лето. Позднее в «Кукхе» он вспоминал: «На жгуечем ляписе (прижигания язвы) и обволакивающей овсянке (единственное питание), дважды выйдя на волю — к Аничкову в новгородские Ждани и к Р. В. Иванову-Разумнику на необитаемый остров Вандрок (Аландские острова), написал я „Крестовые сестры“» (*Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 95).* Подробнее об истории создания и публикации повести см.: Там же. Т. 4: Плачужная канава. С. 481—484 (комментарий И. Ф. Даниловой). См. также прим. 1 к п. 27.

⁶ См. прим. 2 к п. 23.

⁷ См. прим. 1 к п. 17. О безуспешной попытке Чуковского устроить этот рассказ в «Ниву» см. в п. 14—17 и в п. 19.

⁸ См. прим. 6 к п. 23.

⁹ Повесть «Стан половецкий» была напечатана в журнале «Русская мысль» (1910. № 1. С. 115—149). К заглавию здесь сделано примечание: «Эта повесть представляет собой первую часть предположенной трилогии» (с. 115). Впоследствии ее текст с изменениями имен главных персонажей, топонимов, стилистической правкой и дополнениями был включен в состав второго раздела «Доля» (главки 4—19) книги «Оля» (Париж, 1927. С. 142—198).

¹⁰ Некоторые из перечисленных далее сказок Ремизов предполагал включить в такой же раздел сборника «Рассказы», например «Суженая» (под названием «Иван да Марья»), «Воры», «Разбойники» (под названием «Про мертвеца и про разбойников»), «Чудесные башмачки», «Собачий хвост», однако в окончательную версию книги они не вошли (см. об этом в прим. 7 к п. 13). Впоследствии все названные здесь сказки были введены в состав сборника «Докука и балагурье», опубликованного в 1914 году (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 183—336, 642—650). Причем две из них получили новые названия: «Летун» — «Летчик», «Чудесный огонь» — «Пасхальный огонь».

¹¹ В 1910 году в журнале «Весь мир» (№ 25) эта сказка была опубликована под названием «Жулики». Затем в Сборнике Товарищества «Прогресс» (М., 1911. Т. 1) она появилась под названием «Воровская (Ванька да Васька)». И наконец, в «Докуке и балагурье» Ремизов окончательно остановился на названии «Жулики».

¹² Впервые пьеса была опубликована в № 1 журнала «Золотое руно» за 1909 год. Следует отметить, что, выстраивая свои сборники, Ремизов всегда стремится максимально разнообразить их жанровый репертуар, включая в состав не только рассказы «на реалистической основе», сказки или легенды, но и драматические произведения, а также «сны». Однако этот план неосуществленной книги свидетельствует о желании писателя повторить структуру именно своего предыдущего сборника «Рассказы», который тоже завершался пьесой — «Бесовское действо» (см. п. 13).

26. Чуковский — Ремизову

⟨13 мая 1910 года⟩¹

Дорогой Алексей Михайлович!

Что я могу?

Как помогу?²

Был я недавно в «Шиповнике» (там издают одну мою брошюру³) — и вдруг Гржебин⁴ говорит: кстати, мы хотели с Вами поговорить насчет Ремизова.⁵ Тут почему(-)то разговор пресекается. Если хотите, я могу поговорить с этим издательством. Но думаю, что Ваше слово авторитетней.

Сам я и беден и мал,

Сам я смертельно устал.

А то можно еще переговорить с Натаном Сергеевичем Цетлиным,⁶ издателем «Просвещения». Он живет где(-)то на Знаменской, узнайте по телефонной книжке № дома. Кажется, в № 7 или в № 3.⁷

А то еще Сергей Конст(антинович) Маковский⁸ мог бы Вам помочь. Поговорите с ним. Я⁹ сам до того истаскался, что мне и санатори(я) не поможет.¹⁰ Кланяюсь Серафиме Павловне. Усердно зову Вас к нам в воскресенье.

Ваш Чуковский

*А может быть и С. Ю. Копельман¹¹ — забыл кто.¹²

Почтовая карточка. Отправлена по адресу: Петербург. Алексею Михайловичу Ремизову. М. Казачий переулок, 9 кв. 34.

¹ Датируется по почтовым штемпелям: Postilj. v. V-P. a / В. отд. В-П. у. 26. V. 10; С.-Петербург гор. почта 14—5—10.

² Здесь и далее Чуковский цитирует стихотворение Ф. К. Сологуба «В поле не видно ни зги...» (1897), переставляя в нем строки. Ср.:

Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

(Сологуб Ф. Стихотворения. Л., 1979. С. 186
(Б-ка поэта. Большая сер.)).

³ Вероятно, речь идет о сборнике статей Чуковского «Критические рассказы», который вышел в издательстве «Шиповник» в 1911 году.

⁴ Гржебин Зиновий Исаевич (1869—1929) — художник и издатель, совладелец (с С. Ю. Копельманом) издательства «Шиповник», выпустившего сказку для детей «Морщинка» (см. прим. 4 к п. 5) и собрание сочинений Ремизова, а также его повести «Крестовые сестры» (см. прим. 1 к п. 27), «Пятая язва» (Литературно-художественный альманах издательства «Шиповник». СПб., 1912. Кн. 18. С. 107—201) и ряд более мелких произведений в составе альманахов и сборников. В 1918 году приобрел у писателя права на публикацию его книг и тем самым оказал Ремизову существенную материальную поддержку. Через год основал «Издательство З. И. Гржебина» под патронажем Горького, а затем, уехав в Берлин, открыл там филиал и стал публиковать книги русских авторов, права на которые принадлежали ему по договорам 1918—1920 годов. В частности, с 1922 по 1923 год здесь вышли шесть книг Ремизова («Ахру», «Русалия», «Крестовые сестры», «Пятая язва», «Кукха», «Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым»). Эта деятельность Гржебина была рассчитана на русский рынок. Поэтому, когда в 1923 году советские власти запретили ввозить печатную продукцию его фирмы на территорию России, издатель окончательно разорился.

⁵ Вероятно, владельцы «Шиповника» намеревались обсудить дальнейшее сотрудничество с писателем (см. об этом в прим. 1 к п. 27). Ремизов воспользовался этой информацией Чуковского и предложил им свой сборник (см. прим. 1 к п. 25).

⁶ Цетлин (Цейтлин) Натан Сергеевич (1870—?) — владелец издательства «Просвещение», существовавшего с 1896 по 1922 год и выпустившего более 500 книг. Художественную литературу «Просвещение» издавало в двух сериях: «Всемирная библиотека» и «Современная библиотека». Возможно, добиваться включения в последнюю и предлагает здесь Чуковский. Ремизов последовал его совету, однако уже 21 мая 1910 года получил вежливый официальный отказ принять к изданию сборник рассказов (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 177).

⁷ Н. С. Цетлин жил по адресу: Знаменская ул., д. 7.

⁸ Маковский Сергей Константинович (1877—1962) — поэт, художественный критик, редактор журнала «Аполлон». О возможных мотивах его упоминания в связи с обсуждаемой здесь темой см. в прим. 2 к п. 23.

⁹ Далее зачеркнуто: то.

¹⁰ Ответная реакция Чуковского на реплику Ремизова о том, что ему необходимо ехать в санаторий (см. п. 25 и прим. 4 к этому письму).

¹¹ Копельман Соломон Юльевич (1881—1944) — совладелец (с З. И. Гржебиным) и главный редактор издательства «Шиповник».

¹² В оригинале примечание Чуковского под звездочкой расположено в нижней части открытки и отделено от остального текста длинной чертой.

27. Ремизов — Чуковскому

23 сент(ября) 1910 (года).

Дорогой Корней Иванович!

Я сейчас в Шиповнике¹ и письмо пишу Вам: вчера переехали на нов(ую) квартиру и свечи и чернила куда-то завалились.

Адрес мой: Таврическая 3^в кв. 23.

(во дворе. 6 этаж, д(ом) Хренова)²

Посылаю Вам из Рус(ских) Вед(омостей) Иванова-Разумника статью.³

Напишу Вам подробнее о Д. Бодуэне,⁴ сейчас очень устал. Все-таки, нет не стоит его ругать.⁵

Будете в Петербурге, заходите.

А. Ремизов

Письмо написано на листе бумаги форматом с открытку. На обороте помета: Вокзал № 2.

1 Осенью 1910 года сотрудничество Ремизова с издательством «Шиповник» (см. прим. 2 к п. 13) развивалось особенно интенсивно. Так, 17 сентября 1910 года вышла в свет очередная книга Литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник», в которой была помещена его повесть «Крестовые сестры» (СПб., 1910. Кн. 13. С. 159—297). А уже 10 октября «Шиповник» заключил с писателем договор на публикацию собрания сочинений. Подробнее об этом см. в комментарии И. Ф. Даниловой к повести «Крестовые сестры» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 4: Плачужная канава. С. 482—483), а также в прим. 3 к п. 13. Авторскую версию событий см.: Там же. Т. 10: Петербургский буерак. С. 192—197 (глава «Крестовые сестры»).

2 После двоеточия две строки с адресом отчеркнуты вертикальной линией. В этом доме, построенном архитектором А. С. Хреновым в 1909—1910 годах и официально принадлежавшем его супруге И. Ф. Хреновой, Ремизовы жили с 22 сентября 1910 по 27 сентября 1915 года (см. об этом: Ремизов А. М. 1) Договоры и домашние условия с владельцами на наем площади. Л. 29—30 (договор вступил в действие 24 сентября 1910 года); 2) Адреса его и маршруты поездок. Л. 15—16; 3) Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу // ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 2. Ед. хр. 6. Л. 1—3). Впоследствии именно квартира на Таврической ул., фигурирующая во многих его автобиографических произведениях, неизменно ассоциировалась у писателя с признанием в широких литературных кругах, с известностью среди читающей публики и, как результат, с упрочившимся материальным положением.

3 Речь идет о посвященной «Крестовым сестрам» статье Р. В. Иванова-Разумника «Бурков двор», которая была опубликована на страницах газеты «Русские ведомости» 17 сентября 1910 года (№ 213. С. 2—3), в день выхода в свет ремизовской повести. Чуковский откликнулся на это событие уже 26 сентября, поместив хвалебную рецензию в «Речи» (см.: Чуковский К. Для чего мы живем. («Крестовые сестры», повесть А. Ремизова. Альманах «Шиповника» кн. XIII) // Речь. 1910. 26 сент. (9 окт.). № 264. С. 2—3). А следом за ней здесь появилась вторая статья Иванова-Разумника на ту же тему «Между „Святой Русью“ и обезьяной. (Творчество Алексея Ремизова)» (Речь. 1910. 11 (24) окт. № 279. С. 2—3). Любопытно, что Иванов-Разумник отнесся к отзыву Чуковского резко отрицательно. В письме Ремизову от 26 сентября 1910 года он замечал: «Сегодня прочел фельетон Чуковского о Вас. Пошло, поехало! — началась „неделя о Ремизове“. Чуковский, конечно, по обыкновению своему вытянул щипцами ту черту „страха“, которая действительно есть в творчестве Алексея Ремизова; он как бы — смотрит во все глаза на попавшееся ему красное пятно и прет напролом, не замечая ничего ни справа, ни слева. Если бы я вздумал писать статью о самом Чуковском, то назвал бы ее „Талантливая ограниченность“: он не без таланта, но очень ограничен. Сколько вздору наговорил он сегодня, например, что Ремизов *ненавидит* Маракулина *до* его злоключений! Да и вообще много другого...» (Письма Р. В. Иванова-Разумника к А. М. Ремизову (1908—1944 гг.). С. 45—46).

4 Скорее всего, имеется в виду известный лингвист Иван Александрович Бодуэн де Куртене (1845—1929). Еще в 1907 году при создании сказки «Пальцы» Ремизов воспользовался южнославянским мифом, который обнаружил в его исследовании «Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах терских славян в северо-восточной Италии» (Сборник ОРЯС Импер. Академии наук. СПб., 1904. Т. LXXVIII. № 2). См. комментарий писателя ко второй редакции «Посолони», куда вошла эта сказка: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 2: Докука и балагурье. С. 174.

5 Возможно, Ремизов подразумевает здесь дискуссию в печати вокруг третьего издания «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, которое выпустило «Товарищество М. О. Вольф» в 1903—1909 годах под редакцией профессора Санкт-Петербургского университета И. А. Бодуэна де Куртене. Помимо дополнения двадцатью тысячами новых слов и коррективов некоторых далевских толкований учений позволил себе включить в это издание «сквернословия» и «ругательства» на буквы «б», «г», «ж», «х» и другие, чем вызвал резкую критику оппонентов. В результате он вынужден был поместить в заключительном четвертом томе, который вышел в феврале 1909 года, специальное «Послесловие» с разъяснением своей позиции, где, в частности, настаивал на том, что «лексикограф не имеет права урезывать и кастрировать „живой язык“». Раз известные слова существуют в умах громадного большинства народа и беспрестанно выливаются наружу, лексикограф обязан занести их в словарь...» (С. IV). Ремизов вряд ли мог оставаться в стороне от обсуждения этой темы, так как диалектизмы и жаргонизмы, в том числе почерпнутые из словаря Даля, играли ключевую роль в формировании его персонального стиля. Во многих ремизовских произведениях этого периода нетрудно обнаружить мотивы, имеющие отчетливые эротические коннотации, и потому ненормативная лексика, казалась бы, вполне могла использоваться им в работе. Однако писатель отдавал предпочтение эвфемизму, который предоставляет гораздо больше возможностей для художественного переосмысления разговорной речи.

28. Ремизов — Чуковскому

$\frac{20}{2}$ X 1911 г(ода).

Дорогой Корней Иванович!

С. И. Рабинову¹ послал я письмо (7 Рожд(ественская) кв. 16). Ходила наша прислуга, отдала хозяйке. Живет он в кв(артире) не в 16ой, а в 14. Величал я его Семеном Исааковичем, и, кажется, ошибся. Это потому я все расписываю, боюсь, вдруг да не попадет письмо по назначению.

Корней Иванович, я очень виноват перед С. И. Рабиновым, я читать в Вильно не хочу ехать,² теперь до января не могу ехать. Там, дальше, видно будет, а теперь нет и нет.

И Вас подвел, извиняюсь.

Был у Вас, зерно оставил

Зерно к богатству.

А. Ремизов.

¹ О ком идет речь, установить не удалось. Возможно, С. И. Рабинов был организатором лекционных турне Чуковского по Западному краю (Вильно, Витебск, Либава и т. д.), которые состоялись весной 1912-го и осенью 1913 года. Однако ни в дневнике, ни в переписке Чуковского это лицо не упоминается. Его имя отсутствует также в справочнике «Весь Петербург» на 1911-й и последующие годы.

² Ремизов действительно не выступал с лекциями в Вильно ни в этот период, ни позже.

29. Ремизов — Чуковскому

$\frac{30}{13}$ (ноября) 1911 (года).¹

Дорогой Корней Иванович!

Я написал «Глаголицу».² Хотел бы видеть Вас, передать рассказ и немного поговорить с Вами.³

Напишите мне, могу ли я сегодня Вас увидеть?

Как удобнее для Вас: я ли к Вам, Вы ли ко мне.

Если Вы ко мне, то лучше в вечерний час (9—10 ч(асов) в(ечера)). Если я к Вам, тоже самое.

А. Ремизов

¹ Датируется по содержанию. Числа исправлены рукой Ремизова. Первоначально: 29 и 12 соответственно.

² Рассказ «Глаголица» был опубликован в газете «Речь» 25 декабря 1911 года (№ 354. С. 2—3). Впоследствии вошел в состав «каторжной идиллии» «Учитель музыки» (подробнее о ней см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки. С. 449—501; комментарий А. д'Амелия). Именно в этом рассказе впервые появляется главный герой будущей повести — alter ego Ремизова Александр Александрович Корнетов, который наделен чертами личности самого писателя, в частности его пристрастием к розыгрышам и использованию глаголического письма в дружеских посланиях.

³ Ремизов обсуждал «Глаголицу» еще в рукописи не только с Чуковским, но и, возможно, с А. А. Блоком. См. об этом в письме Блока к Ремизову от 14 ноября 1911 года (Лит. наследство. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 99; комментарий А. П. Юловой). См. также: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 3: Оказион. С. 630; комментарий Е. Р. Обатниной.

30. Ремизов — Чуковскому

$\frac{18}{31}$ III 1912 г(ода)

Дорогой Корней Иванович!

У меня есть один знакомый, который переводит с английского. Фамилия ему: Косминский Михаил Александрович,¹ В(асильевский) О(стров) 9 л(иния) 72 кв. 38. Он переводит у Михайлова в Прометее Джека Лондона.² Жалуется он, что ему редактор исправляет и очень бессмысленно.³ Я не знаю, как он переводит. Пишу Вам на случай, если человек Вам понадобится, и Вы найдете, что он Вам пригодится.⁴

А. Ремизов

¹ Вероятно, М. А. Косминский случайно оказался в окружении Ремизова. В архивах писателя отсутствуют какие-либо связанные с ним материалы. Упоминаний об этом «знакомом, который переводит с английского» нет и в ремизовской автобиографической прозе.

² Петербургское издательство «Прометей», которое было основано в 1907 году Николаем Николаевичем Михайловым (1884—1940) и просуществовало до 1916 года, в 1912—1915 годах выпустило в свет первое на русском языке прижизненное собрание сочинений Джека Лондона в восемнадцати томах с предисловием Леонида Андреева (второе издание, доведенное лишь до шестнадцатого тома, появилось в 1912—1916 годах). В том четвертый, опубликованный в 1912 году (вторым изданием он вышел через год), были включены рассказы из сборника «Бог его отец» в переводе М. А. Косминского.

³ Редактором переводов с английского в этом собрании сочинений Джека Лондона была А. Н. Кудрявцева.

⁴ В материалах Чуковского Косминский не упоминается. Сам он произведений Джека Лондона в этот период не переводил, и более того, оценивал их весьма скептически. Так, 28 марта 1913 года в газете «Русское слово» появилась статья Чуковского об американском писателе под «говорящим» названием «Дешёвка».

31. Чуковский — Ремизову

Дорогой А(лексей) М(ихайлович). Привет Вам из Киева,¹ где живет Ваша Наташа² и — Закржевский.³ Ах, Вы бесстыдник, зачем Вы сказали мне, что это безусый юноша. Это высоколобый муж, «муж чести и совета» — а Вы, конечно, «глаголица».⁴ Серафиме Павловне сердечный привет из ее почти родного города. Пишу это не только я — К(орней Иванович) Чуковски(й), но и Ал(ександр Карлович)Закржевский

1912. 22 Марта Киев.

Почтовая карточка. Отправлена по адресу: Петербург Таврическая 3^а А. М. Ремизову. На штемпелях: Киев 23. III. 1912; С. Петербург гор. почта 26—3—12.

¹ Весной 1912 года Чуковский отправился в лекционное турне по городам России, в число которых входили Киев, Одесса, Минск, Вильно и др. 27 марта, находясь в Киеве, он прочел лекцию «Религия красоты и страдания (Оскар Уайльд)» в зале Купеческого собрания, а затем повторил ее 30 марта в Киевском общественном собрании. Здесь же четыре дня спустя Чуковский произнес доклад о поэзии Тараса Шевченко. Подробнее об этом см.: *Петровский М.* 1) Что ж ты в лекциях поешь... // *Радуга*. 1988. № 6. С. 132—137; 2) [То же.] // *Петровский М.* *Городу и миру. Киевские очерки*. Киев, 1990. С. 148—161; в этих публикациях на с. 134 и 153 соответственно процитирована значительная часть данного письма Чуковского к Ремизову.

² Чуковский ошибается. Дочь Ремизовых Наташа (см. прим. 5 к п. 12) воспитывалась в это время у бабушки и теток по материнской линии в селе Берестовец Черниговской губернии, где находилось родовое имение Серафимы Павловны Ремизовой-Довгелло. В самом Киеве Ремизовы жили с грудной Наташей, которая родилась в Одессе 18 апреля 1904 года, с конца июня 1904 по начало февраля 1905 года.

³ Закржевский Александр Карлович (1886—1916) — писатель и критик, автор трилогии о Достоевском и современных писателях. Входил в ближайшее окружение Л. И. Шестова. С 1910 года состоял в дружеской переписке с Ремизовым, творчеству которого посвятил главу в первой книге своей трилогии «Подполье. Психологические параллели. Достоевский, Леонид Андреев, Федор Сологуб, Лев Шестов, Алексей Ремизов, Мих. Пантюхов» (Киев, 1911. С. 70—81; вышла из печати в конце 1910 года). Подробнее об этом см.: Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым / Вступит. заметка, подгот. текста и прим. И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского // Русская литература. 1992. № 3. С. 193—194; прим. 4—6 к п. 42).

⁴ Шуточный «гнев» Чуковского на «глаголицу» Ремизова за розыгрыш (см. об этом в прим. 2 к п. 29) объясняется тем, что еще 1 января 1911 года на страницах газеты «Речь» в обзоре «Русская литература (в 1910 году)», говоря о книге Закржевского и, вероятно, пользуясь полученной от писателя информацией, он ошибочно назвал ее автора «гимназистом». Ср.: «Только что в Киеве вышла очень страшная книга „Подполье“, — несомненного гимназиста г. Ал. Закржевского. В ней юный автор славит, захлёбываясь, „наслаждение мукой“, „спасительное бегство от жизни“, „бездонно-величавую Нирвану“ — и хочет дать человечеству „вместо Бога отчаяние“» (цит. по: Чуковской К. И. Собр. соч. Т. 7. С. 507). И потом вплоть до личной встречи в Киеве продолжал повторять в печати эту характеристику. Однако, возможно, в данном случае Ремизов, знакомый с Закржевским лишь заочно, сам был введен в заблуждение словами Шестова, который писал ему 4 декабря 1909 года из Киева: «Тут, между прочим, есть такой молодой писатель, Закр(ж)евский, из породы тех, которые „за Шестовым ходят“ — знаешь, какие? — так вот он написал статью о „Достоевском и современных писателях“. Там об тебе целая глава. И говорит он, что „Пруд“ гениальное произведение, а „Посолонь“ и „Лимонарь“ и все прочее никуда не годится, для гонорара написано. Я насилу упросил, чтоб хоть про гонорар промолчал. Обещал» (Русская литература. 1992. № 3. С. 193; курсив наш. — И. Д., Е. И.).

32. Ремизов — Чуковскому

5 февраля 1917 (года)
В(асильевский) О(стров) 14 л(иния) 31 кв. 48¹
209—69

Дорогой Корней Иванович

Приходил Зиновий Исаевич Гржебин² и сказал мне, что замужнюю Радугую³ сказку мою про Лису Летучую⁴ передал он ВАШЕЙ МИЛОСТИ,

Смилуйтесь, пожалуйста, велите прислать мне за нее радужный Сторублевый Гонорар

А если ее и у Вас забраковали,⁵ известите меня
Зав(т)ра Масленица Алексей Ремизов

Почему вы не привлечете такого детского писателя, как Мих(аил) Мих(айлович) Пришвин*)⁶ В(асильевский) О(стров) Тучков пер. 11 кв. 19 т. 130 — 18 (до 12и и после 7и)

Детям рус(ским) надо и рус(ский) язык.⁷ Наверное, только в России такая чепуха: пишут по(-)тарабарски и очень довольн(ы)

А.

*) ученик Вас(илия) Вас(ильевича) Розанова и член Совета М(инистерства) Т(орговли) и Промыш(ленности)⁸
Его Превосходительство (на адресе)

¹ По этому адресу Ремизовы жили с 30 сентября 1916 года (см.: Ремизов А. М. Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. Л. 4).

² См. прим. 4 к п. 26.

³ Имеется в виду будущая «Елка. Книжка для маленьких детей» (Пг., 1918). История ее выхода в свет типична для того времени. В горьковском издательстве «Парус» была задумана серия детских книг под редакцией А. Бенуа и М. Горького (подробнее об этом см.: Чуковский К. Горький // Чуковский К. Собр. соч. Т. 5. С. 71). В ее рамках в декабре 1916 года началась подго-

товка детской книги «Радуга», составителями которой стали А. Бенуа и К. Чуковский. По воспоминаниям последнего, «из-за типографской разрухи эта „Радуга” так долго печаталась, что вместо марта—апреля вышла лишь в следующем году, в конце января, в многоснежную зиму, когда ни о каких радугах не могло быть и речи. Поэтому издательство внезапно решило переименовать нашу „Радугу” в „Елку”» (Там же. С. 72). Имя Гржебина в связи с этим проектом не упоминается. Судя по всему, Ремизов не знал, что Чуковский является одним из составителей «Радуги», а значит, сказка про лису могла быть забракована именно им. Во всяком случае, в изданной книге «Елка» произведений Ремизова и Пришвина нет.

⁴ О какой сказке идет речь, установить не удалось. Произведений с подобным названием Ремизов не печатал.

⁵ Вероятно, речь идет о ежемесячном иллюстрированном приложении к журналу «Нива» «Для детей», которое редактировал Чуковский. Однако публикации Ремизова и Пришвина в этом издании нам не известны.

⁶ Пришвин Михаил Михайлович (1873—1954) — писатель и этнограф, член Императорского Географического общества; в 1909 году публично выступил в защиту Ремизова от обвинений в плагиате; входил в его ближайшее окружение в Петербурге; в ремизовской Обезьяньей Великой и Вольной Палате числился старейшиной и князем обезьяньим. Подробнее об их взаимоотношениях см.: Письма М. М. Пришвина к А. М. Ремизову. С. 157—209; *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 299—301 (глава «М. М. Пришвин») и по указателю; *Обатнина Е.* Царь Асыка и его подданные. Обезьянья Великая и Вольная Палата А. М. Ремизова в лицах и документах. СПб., 2001. С. 356 и др.

⁷ Над этой темой Ремизов размышлял на протяжении всей своей жизни (свод его позднейших высказываний см. в книге Н. В. Кодрянской «Алексей Ремизов», опубликованной в Париже в 1959 году). Позиция писателя по вопросу о русском языке была весьма своеобразной. Среди прочего, он утверждал, что письменный литературный язык должен следовать за «природным ладом» живой разговорной речи. Собственная ремизовская проза по своему интонационному и синтаксическому строю приближается к этому идеалу. Уже первые рецензенты обратили внимание на его стиль. Впоследствии упоминание об этой стороне произведений Ремизова стало обязательным элементом любого высказывания о нем и его творчестве. Естественно, эта проблема неоднократно обсуждалась в ремизоведении. См., например, одну из последних работ на данную тему Т. В. Цивьян «Русский литературный язык: „Случай Ремизова”» (Ремизов и Голландия: Переписка с Б. Н. Рапчинским (1947—1957) / Сост. Т. В. Цивьян; Отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М., 2004. С. 154—166).

⁸ С осени 1887 года Розанов преподавал географию в гимназии г. Ельца, где учился Пришвин, причем добился его исключения «за непростительную дерзость». Это обстоятельство неоднократно упоминается в мемуарной прозе Ремизова, в том числе и в посвященной Розанову книге «Кукха» (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 7: Ахру. С. 71—73 и 544). В годы Первой мировой войны Пришвин служил делопроизводителем отдела Военного времени в Министерстве торговли и промышленности.

33. Ремизов — Чуковскому

21 апр⟨еля⟩ 1917 ⟨года⟩

Смутное время¹

В⟨асильевский⟩ О⟨стров⟩ 14 л⟨иния⟩ 31 кв. 48
209—69.

Дорогой Корней Иванович

Я не могу поручиться ни за один день, ни за один час: неисповедимо наступает боль моя² — сегодня я здоров, а завтра едва живой хожу (я и от воинской повинности освобожден по

65 ст⟨атье⟩ А.)³

как же мне обещания давать? Скажу: буду. А станет — и не могу.

Вот почему я отказываюсь от чтения
в определенный день и час.

Как-то волею Божию еще существующий на белом свете и всем и каждому должный

Алексей Ремизов

¹ Подразумевается Февральская революция. Ей посвящен раздел «Медовый месяц» в книге «Взвихренная Русь», над которой Ремизов работал в это время.

² Писатель страдал язвенной болезнью желудка. См. прим. 3 к п. 21.

³ С 1898 года Ремизов числился ратником ополчения. 23 октября 1916 года он был призван на военную службу по возрасту Указом правительствующего сената. С 24 октября по 6 декабря находился на обследовании в Клиническом военном госпитале, как писал И. А. Рязановскому, «по ст(атьям) 37 и 65» (РНБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 8). 28 декабря 1916 года получил билет, временно освобождающий его от воинской повинности (см.: *Ремизов А. М.* Помесячная роспись петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу. Л. 4). Впечатления от пребывания в госпитале описаны им в книге «Взвихрённая Русь» (главки «По ратным мукам» и «Между сыпным и тифозным» раздела «Весна-красна»).

34. Ремизов — Чуковскому

Дорогой Корней Иванович

27 XI 1919

[Рисунок]¹

Очень Вас прошу, не оставьте, попомните, надоумьте, скажите.

Полтора года служил я в ТЕАТРАЛ(ЬНОМ) ОТД(ЕЛЕ) и пользовался кооперативом Нарко(м)проса, теперь — с 19 XI — состою в распоряж(ении) Театров и зрелищ. Сказывают тут, что ПТО будет лишен права участия в кооперат(иве), п(отому) ч(то) переходит в ведение ЦЕНТРОТЕАТРА.²

Нельзя ли меня сохранить в кооперат(иве), КАК ИЗУВЕЧЕННОГО ТРУДОМ и болью — кому я написать должен прошение и подпись подписать

Алексей Ремизов

¹ На рисунке изображен лис.

² Ремизов работал в Репертуарной секции петроградского Театрального Отдела (ТЕО) Наркомпроса с весны 1918 года вместе с А. А. Блоком. После переезда правительства в Москву в марте того же года был создан московский ТЕО Наркомпроса. Оба отдела возглавляла жена Л. Б. Каменева и сестра Л. Д. Троцкого О. Д. Каменева. Ее злейшей конкуренткой на поприще руководства театром была жена Горького М. Ф. Андреева, в ведении которой находился Петроградский Театральный Отдел (ПТО). Будучи друзьями тогдашних вождей, они интриговали друг против друга и боролись за монополию. В Петрограде победа досталась Андреевой, и здешний ТЕО был упразднен. 9 сентября 1919 года газета «Известия» опубликовала декрет Совнаркома от 26 августа того же года «Об объединении театрального дела», по которому при Наркомпросе был создан Центротейтрал во главе с А. В. Луначарским, а при нем ПТО во главе с Андреевой. Почему Ремизов писал об этом Чуковскому, не ясно, так как тот никогда в ТЕО и ПТО не служил. Возможно, писатель обращался к нему как к человеку, сотрудничавшему в горьковском издательстве «Всемирная литература» и, следовательно, по его мнению, близкому к театральному начальству.

35. Ремизов — Чуковскому

В комитет Дома искусств¹

Прошу принять меня в члены Дома

А. Аничкова (Иван Странник)²

11 марта
1920 г(ода)

Алексей Ремизов

¹ Дом искусств (или Диск) — объединение деятелей культуры, прежде всего писателей, созданное по инициативе Чуковского при поддержке Горького и Наркомпроса. Имело общежитие в доме Елисеева на углу Невского пр. и наб. Мойки (д. 59). Поначалу располагало возможностью снабжать своих членов бесплатными обедами. Открытие Дома искусств состоялось 19 ноября 1919 года. Здесь регулярно устраивались творческие вечера, позволявшие писателям в условиях развала книжного дела знакомить публику со своими новыми произведениями,

а в 1921 году были выпущены два номера одноименного журнала. Осенью 1922 года по распоряжению Г. Е. Зиновьева Диск прекратил свое существование (см. об этом: *Северюхин Д. Я., Лейкинд О. Л.* Золотой век художественных объединений в России и СССР (1820—1932): Справочник. СПб., 1992. С. 58—59). Чуковский входил в Высший совет Дома искусств по Литературному отделу. Именно поэтому Ремизов обращается к нему с этим прошением А. Аничковой, которое написано его рукой. Сам писатель упомянут как выбывший из числа членов Диска в Отчете за 1921 год (РГБ. Ф. 620. Карт. 41. Ед. хр. 21. Л. 2).

² Подпись рукой Анны Митрофановны Аничковой (псевдоним Иван Странник; 1868—1935), прозаика, критика и переводчицы, жены известного литературоведа Е. В. Аничкова, с которым Ремизова связывали давние дружеские отношения и общие профессиональные интересы.

36. Ремизов — Чуковскому

A. Remizov
7, rue Boileau
Paris XVI¹

3 X 1957²

Дорогой Корней Иванович

Давно думал послать Вам, в Ваш архив мои книги.³

Эти книги — мое прощальное.

С 1931го по 1949^й — 18 лет меня не издавали.⁴ На странице 74^й моей книги «Круг Счастья»⁵ — даю перечень книг, русских и заграничных.

Еще пошлю Вам книгу сказок Н. Кодрянской с иллюстрациями Натальи Сергеевны Гончаровой и «Глобусного человечка» с иллюстрациями Федора Рожанковского.⁶

Ольга Викторовна Андреева⁷ рассказывала мне о встрече с Вами. И все мне вспомнилось — верно только Вы помните, какой псевдоним у Измайлова — подпись в его обличительном «Писатель или списыватель» (Вечерняя Биржевка 1908 г(ода)) — «Аякс»? Я не уверен — может кажется мне: «Аякс».⁸

Чувствую, наступают мои последние дни: забит удушьем, да еще и слепец.⁹

Последнее, что читал Ваше, и что моей речевой душе близко: Ваше о Слепцове.¹⁰

Алексей Ремизов

[подпись]¹¹

Отправлено по адресу: Москва, ул. Воровского, 52 «Союз Сов. Писателей» К. И. Чуковскому Moscow USSR. На почтовом штемпеле: 16. 10. 57. Как и большинство писем и дарственных надписей этого периода, написано рукой другого лица, так как в конце жизни Ремизов практически полностью ослеп. Его собственной рукой весьма неразборчивым почерком проставлены только обращения «Дорогой Корней Иванович», дата и две подписи в конце. Одна из них представляет собой глаголическую букву «ч» — своеобразный личный логотип писателя, которым он маркировал свои рисунки и обезьяньи грамоты, а в 1940—1950-е годы еще и письма.

¹ По адресу ул. Буало, д. 7 Ремизов жил с 15 октября 1933 года. Он всегда был склонен к театризации своего быта и украшению жилища, а потому буквально все мемуаристы, когда-либо побывавшие в его доме, оставили описание разных ремизовских квартир, в том числе и этой. Как правило, собственное приватное пространство писатель превращал в место действия своих произведений. Так, в квартире на улице Буало он поселил большого любителя и знатока глаголицы, главного героя «стоглавой повести» «Учитель музыки» Александра Александровича Корнетова (см.: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 9: Учитель музыки. С. 354—360; глава «Трактирные обои»).

² Скорее всего, письмо было отправлено лишь через несколько дней, вместе с некоторыми изданиями самого Ремизова и его «литературной внучки» Н. В. Кодрянской. Об этом свидетельствуют дарственные надписи на посылаемых Чуковскому книгах, в основном помеченные 5-м, а на «Сказках» Кодрянской даже 11 октября.

³ В библиотеке Чуковского в Переделкине хранятся четыре книги Ремизова с дарственными надписями: «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (Париж, 1951; на авантитуле здесь и далее той же рукой, что и письмо: «Корнею Ивановичу Чуковскому 5/Х-57 Наше русское демонологическое XVII век 1951 г.»; слева внизу подпись Ремизова с двойным закругленным росчерком и справа от нее глаголическое «ч», она повторяется и во всех других приводимых

ниже дарственных надписях); «Огонь вещей» (Париж, 1954; на авантитуле: «1954 Сны в русской литературе — задумал, но дальше продолжать не могу: забит удушьем и глаза: смотрю, а ни читать, ни писать Корнею Ивановичу Чуковскому 5/Х-57*»); «Мартын Задека» (Париж, 1954; на авантитуле: «Корнею Ивановичу Чуковскому 5/Х-57 читать предисловие и послесловие, а так книга для гаданья, раскрой страницу и сбудется что задумал 1954 год»); «Круг счастья. Легенды о царе Соломоне» (Париж, 1957; на авантитуле: «См. стр. 74 — „Спасибо“ — обратите внимание в конце: перечень моих книг.»); под собственноручной подписью Ремизов выставил дату своего юбилея: «24VI—7VII 57»). Как нетрудно заметить, в отдельных надписях варьируются темы этого письма. Все вышеперечисленные книги вышли в издательстве «Опleshник», организованном ближайшими друзьями писателями — родственными семьями Резниковых, Андреевых и Сосинских во главе с О. Е. Колбасиной-Черновой — на их личные средства специально для публикации произведений Ремизова (подробнее об этом уникальном издательском проекте см.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 102—130).

⁴ В 1931 году в парижском издательстве «УМСА-Press» вышла книга Ремизова «Образ Николая Чудотворца», а следующая: «Пляшущий демон. Танец и слово» с рисунками и факсимильным автографом автора появилась только в 1949 году. Все это время, потеряв надежду увидеть свои книги в печати, он делал рукописные графические альбомы, которые продавал частным лицам (см. об этом: *Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 398). «Пляшущего демона» профинансировал знаменитый танцовщик и балетмейстер С. М. Лифарь, которому Ремизов посвящал свою книгу. Вспоминая об этом эпизоде в позднейших мемуарах, он с благодарностью замечал: «...меня реабилитировал (...) Лифарь — после восемнадцатилетнего мордоворота — с 1931 по 1949 — изданием „Пляшущего демона“» (*Ремизов А.* Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 34).

⁵ Книга «Круг счастья» — последнее прижизненное издание произведений Ремизова. Она была выпущена друзьями писателя в издательстве «Опleshник» к его 80-летнему юбилею, что отмечено им в дарственной надписи Чуковскому (см. прим. 3 к наст. п.).

⁶ Имеются в виду книги писательницы и мемуаристки Натальи Владимировны Кодрянской (1901—1983) «Сказки» (Париж, 1950) и «Глобусный человек. Сказочное путешествие» (Париж, 1954), первая из которых вышла с предисловием Ремизова. Их знакомство состоялось в годы второй мировой войны, когда Кодрянская с мужем эмигрировали из Парижа в США. После войны Кодрянские оказывали писателю финансовую поддержку, в частности оплачивали его квартиру. В ответ Ремизов всячески поощрял литературные опыты Натальи Владимировны и рекламировал их в писательских кругах, считая ее своей ученицей. Об этом свидетельствует и дарственная надпись Чуковскому на книге Кодрянской «Сказки», в которой Ремизов явно преувеличивает масштабы дарования автора: «За мои 36 заграничных лет эти сказки самое значительное, что я встретил в русской здешней литературе». В последние годы жизни писатель много работал с Кодрянской над ее книгой «Алексей Ремизов» (Париж, 1959), пытаясь запечатлеть собственный образ в истории литературы при помощи медиатора (подробнее об этом см.: Творческие материалы А. Ремизова к книге Н. Кодрянской «Алексей Ремизов» / Предисл., публ. и прим. А. Грачевой // Алексей Ремизов: Исследования и материалы / Отв. ред. А. М. Грачева и А. д'Амелия. СПб.; Салерно, 2003. С. 249—322). В рамках «ремизовской темы» Кодрянская опубликовала также книгу «Ремизов в своих письмах» (Париж, 1977). Душеприказчица писателя.

⁷ Дочь О. Е. Колбасиной-Черновой, жена Вадима Леонидовича Андреева, сына писателя Леонида Андреева. Входила в ближайшее окружение Ремизова. Вместе с мужем бывала в Москве, куда в эти годы переехала из Парижа ее младшая сестра Ариадна Викторовна Сосинская вместе со своей семьей. Состояла в переписке с Чуковским (см.: Письмо К. И. Чуковского В. Л. и О. В. Андреевым / Публ. О. Андреевой-Карлайл // Алексей Ремизов: Исследования и материалы. С. 323—325).

⁸ Эта фраза свидетельствует о том, что даже за полтора месяца до смерти, которая наступила 26 ноября 1957 года, Ремизов продолжал работать над последней книгой — повествованием о начальном периоде своей писательской карьеры «Петербургский буерак». Не имея под руками архива, который остался в России, он широко пользовался собственными художественными текстами автобиографического характера. Однако давний скандал с обвинением его в плагиате на страницах газеты «Биржевые ведомости» (см. об этом во вступительной статье; см. также прим. 3 к п. 18 и прим. 1 к п. 20), литературным отделом которой заведовал известный критик Измайлов, имевший псевдоним Аякс, был отобран в прозе Ремизова в трансформированном виде, а потому не содержал таких реальных деталей, как выставленное под текстом имя обличителя. Конечно, скандальная статья была подписана случайным и лишь один раз использованным псевдонимом — Мих. Миров. Однако писатель всегда отличался исключительной памятью и вряд ли мог забыть, пусть и вымышленное, имя виновника своих злоключений. Поэтому, возможно, настаивая здесь на подписи «Аякс», он стремился таким образом окончательно легитимировать собственную версию событий и публично раскрыть загадочный псевдоним. А заодно напомнить своему адресату, что не придает значения утверждению самого Измайлова, который назвал Чуковского автором антиремизовской статьи в письме к Сологубу от

25 марта 1910 года, что, скорее всего, стало тогда же известно обоим (см.: Федор Сологуб и Ан. Н. Чеботаревская. Переписка с А. А. Измайловым / Публ. М. М. Павловой // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1995 год. СПб., 1999. С. 207—208). Ср. как подается этот эпизод в «Петербургском буераке»: «Весь день мы провели в Куоккале у Чуковского. (...) Чуковский в своих критических фельетонах в „Понедельнике“ у П. П. Пильского никогда обо мне ничего не писал, я для него „несуществующий писатель“, но к моей судьбе у него полное сочувствие, и он всегда готов мне помочь. Отчего — не знаю. (...) Вечером вернулись в Петербург. На Финляндском вокзале я купил вечернюю „Биржевку“. Развернул — и прямо мне в глаза жирным шрифтом заглавье: „Писатель или списыватель?“ В тексте мелькает мое имя (...) Подпись: Аякс, псевдоним А. А. Измайлова. (...) А. А. Измайлов уличает меня в плагиате» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 184—185).

⁹ Как отмечает Н. В. Резникова, которая ухаживала за писателем во время его недомоганий в последние годы жизни, осенью 1957 года Ремизов постоянно чувствовал приближение смерти. Помимо слепоты он страдал удушьем вследствие хронической пневмонии. Его предсмертная болезнь началась в первых числах ноября. Подробнее об этом см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 142—144; глава «Последние дни Ремизова»).

¹⁰ Подразумеваются посвященные Слепцову статьи Чуковского «Тайнопись „Трудного времени“» и «История Слепцовой коммуны», которые вошли в его книгу «Люди и книги шестидесятых годов», опубликованную в 1934 году «Издательством писателей в Ленинграде». Не исключено также, что Ремизов, интересовавшийся этим литератором в последние годы жизни, успел познакомиться и с предисловием Чуковского к собранию его сочинений (Чуковский К. В. А. Слепцов, его жизнь и творчество // Слепцов В. Соч.: В 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 3—39).

¹¹ Глаголическая буква «ч».

ПРИЛОЖЕНИЕ

В. В. Сухомлин¹ — К. И. Чуковскому

Москва 7 февраля 1958 (года)

Многоуважаемый Корней Иванович,

27го ноября 1957 года² в Париже скончался 80-ти лет от роду Алексей Михайлович Ремизов.

«Литературная Газета» не сочла нужным посвятить хотя бы несколько строк замечательному русскому писателю. Друзья Ремизова ожидали, что Союз советских писателей как(-)нибудь откликнется на его смерть. Его переводчица Наталья Резникова³ — сестра знакомых Вам Ольги Андреевой и Ариадны Сосинской,⁴ вместе с ней переводивших его книги на французский язык — пишет мне из Парижа: «...Эти дни думала о вас и ждала откликов из России. Был один, из Ленинграда, от Академии Наук. Но почему(-)то телеграмма не дошла, вернулась, адрес был неправильный... Мне было больно, что родная страна не знает даже какого писателя она потеряла...»

За что этот посмертный бойкот?

Быть может Ремизова до сих пор считают «декадентом»? Кстати, сам Ремизов рассказывает в одном из своих автобиографических произведений, что в проходном свидетельстве, с которым он прибыл в ссылку (в конце девяностых (так!) или в начале девятисотых (так!) годов, не помню) в Устьсысольск(к) (Сыктывкар, Коми АССР), значилось: «Алексей Ремизов, беспартийный с. д., писатель-декадент».⁵

Но как бы ни относиться к его творчеству, исключить Ремизова из русской литературы никому не дано. Нельзя вычеркнуть из ее истории «Пруд» и «Крестовые Сестры».⁶ Лично я убежден, что нельзя вычеркнуть и «Посолонь», «Неуемный бубен»,⁷ «В розовом блеске», «Сны», «Мышкину дудочку», «Подстриженные глаза»⁸ и многое другое.

Может быть заговор молчания объясняется тем, что Алексей Михайлович жил с 1921г(о) года в Париже?⁹

Но ведь Бунина «амнистировали», хотя он не только жил в эмиграции, но и относился долгое время активно враждебно к советскому строю,¹⁰ тогда как Ремизов всегда стоял в стороне от белых контрреволюционных группировок, был все эти 36 лет всецело погружен в свою кропотливую работу над словом и, как «монах трудолюбивый», писал изумительную свою летопись русской жизни начала 20го века.¹¹ Работал упорно, неутомимо, можно сказать подвижнически, будучи уже больным и беспомощным (после смерти жены), потеряв почти совершенно зрение. И вместе с тем внимательно и с симпатией следя за всем, что появлялось в Советском Союзе, особенно по вопросам, близко его интересовавшим...

Вскоре после освобождения Парижа к больному, полуслепому писателю приехал представитель посольства и вручил ему советский паспорт.¹² Бунин же тогда отказался от паспорт(а) (хотя и беседовал с послом Богомоловым) и лишь позднее, незадолго перед смертью, решился возобновить связь с родиной.

Я встречал в те годы Ивана Алексеевича и Алексея Михайловича и могу засвидетельствовать, что у Ремизова (с которым я был хорошо знаком) никогда не было на этот счет никаких колебаний. Он остался в Париже только потому, что хотел быть похороненным рядом с женой,¹³ верным и любимым другом его через всю жизнь. Серафима Павловна, профессор славянской палеографии в Сорбонне, скончалась во время войны.¹⁴

Может быть «руководство» Союза Писателей считает, что Ремизов не интересен для русских читателей? Думаю, что вопрос этот следовало бы предоставить решить самим читателям, тем из них, кто любит русскую литературу, дорожит ее ценностями. Но во всяком случае независимо от этого, не следовало ли бы подумать о том, что Ремизов был другом Блока,¹⁵ что он был близок ко многим другим писателям и поэтам первой четверти века, участвовал в журналах и изданиях того времени; что его печатал, если не ошибаюсь, и Горький¹⁶ (или он печатался в одних с ним журналах, не помню); что он переписывался с Ромен Ролланом (написавшим предисловие к одной из его книг, переведенных на французский язык),¹⁷ с Томасом Манном¹⁸ и другими иностранными писателями;¹⁹ что его литературные воспоминания,²⁰ напечатанные за границей, представляют значительный интерес; что, наконец, после него остался обширный архив, в котором находятся несомненно ценнейшие литературно-исторические документы.

Ремизов при жизни был связан с ленинградским «Пушкинским Домом» и, насколько мне известно, завещал ему свой архив.²¹

Но неужели «Союз Писателей» не найдет нужным заняться его литературным наследством и переиздать некоторые из его книг?²²

С сердечным приветом и глубоким
уважением В. Сухомлин

Новопесчаная (ул.,) д. 8, кв. 5
тел. Д—7—09—11.

¹ Сухомлин Василий Васильевич (1885 или 1887—1963) — политический деятель, публицист, переводчик; член ЦК партии эсеров, депутат Учредительного собрания. С 1918 года находился в эмиграции. В начале 1920-х годов жил в Праге, где был соредактором газеты и журнала «Воля России», в котором постоянно публиковался Ремизов. С 1927 года жил в Париже. В 1941—1945 годах — в США. В августе 1941 года обратился к эмиграции с призывом поддержать советское правительство и Красную Армию в борьбе против немецких агрессоров, за что был обвинен в связях с большевиками. После Второй мировой войны вернулся в Париж. В октябре 1945 года обратился в советское полпредство, а в 1947 году принял советское подданство. Летом 1951 года был выслан из Франции как коммунистический агент. В 1954 году вернулся в СССР. Переводил советских писателей на французский язык. С 1962 года был членом Союза писателей СССР. В Париже входил в ближайшее окружение Ремизова. Был членом Обезвельопала (см. об этом: *Обатшина Е.* Царь Асыка и его подданные. С. 361).

² Ошибка Сухомлина. Ремизов умер 26 ноября.

³ Ремизова Наталья Викторовна (1903—1992) — переводчица и мемуаристка, автор книги воспоминаний о Ремизове «Огненная память» (1980); дочь О. Е. Колбасиной-Черновой. Входила в ближайшее окружение писателя. Была его душеприказчицей. Перевела на французский язык книгу Ремизова «Подстриженными глазами» («Les yeux tondu»), которая вышла в 1958 году с предисловием Марселя Арляна (Marcel Arland) в знаменитом парижском издательстве «Gallimard» (подробнее об этом см.: *Ремизова Н. В. Огненная память*. С. 120—129). См. о ней также: *Соколова-Пайман А.* Памяти Натальи Викторовны Ремизовой // *Алексей Ремизов: Исследования и материалы* / Отв. ред. А. М. Грачева. СПб., 1994. С. 273—276).

⁴ См. прим. 7 к п. 36.

⁵ Ремизов находился в ссылке в Устьсысольске и в Вологде, куда был направлен по этапу из Пензы за марксистскую пропаганду среди рабочих, с 1901 по 1903 год (подробнее о его революционной деятельности на рубеже двух столетий см.: *Грачева А. М.* Революционер Алексей Ремизов: миф и реальность // *Лица: Биографический альманах*. М.; СПб., 1993. Вып. 3. С. 419—447). Этот важный период своей биографии он подробно описал в книге «Иверень». Здесь, среди прочего, есть эпизод, когда одна из пензенских квартирных хозяек, послушав произведения Ремизова в авторском исполнении, называет начинающего писателя декадентом, что вполне соответствовало характеру его ранней прозы. И далее он замечает: «С ее легкой руки имя „декадент“ пойдет со мной в Устьсысольск, и долго будет ярлыком на мне...» (*Ремизов А. М.* Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 399—400). Однако приводимой Сухомлиным цитаты ни в опубликованном тексте «Иверня», ни в других автобиографических произведениях Ремизова нет. Вероятно, ему запомнился пассаж из какой-либо ранней редакции этого произведения, которое вышло в свет отдельным изданием уже после смерти автора.

⁶ Имеются в виду роман «Пруд» (см. прим. 9 к п. 5 и прим. 5 к п. 6) и повесть «Крестовые сестры» (см. прим. 1 и 3 к п. 27, а также прим. 5 к п. 25).

⁷ Речь идет о первой книге Ремизова «Посолонь» (см. прим. 2 к п. 5) и его повести «Неумный бубен» (см. прим. 2 к п. 23).

⁸ Эти книги были опубликованы в 1950-е годы: «В розовом блеске» в 1952 году в «Издательстве имени Чехова» (Нью-Йорк); «Сны», т. е. «Огонь вещей» и «Мартын Задека» в 1954 году в «Оплешнике» (Париж); «Мышкина дудочка» в 1953 году там же; «Подстриженными глазами» в 1951 году в издательстве «YMCA-Press» (Париж).

⁹ Ремизовы покинули Россию в августе 1921 года. До 1923 года они жили в Берлине. Переехали в Париж в ноябре 1923 года.

¹⁰ Бунин действительно был яростным противником советской власти. Его дневник революционных лет «Окаянные дни» (1925) — одна из самых жестких отповедей большевизму, и потому, хотя запрет на публикацию произведений писателя был снят еще в 1950-е годы, впервые он вышел в СССР лишь во времена перестройки (первое репринтное издание появилось в 1990 году). После того как в 1933 году Бунину была присуждена Нобелевская премия, он стал представлять особый интерес для эмиссаров советского правительства, организовавших и поддерживавших движение по возвращению на родину в среде эмигрантов. К концу 1930-х годов, когда в Европе набирал силу фашизм, писатель стал избегать прямых политических выступлений против Советского Союза. Он приветствовал победу над Германией и поменял отношение к своей стране на более доброжелательное. К этому периоду относятся его контакты с советскими дипломатическими структурами в Париже и встречи с советскими писателями, результатом чего явились, в частности, переговоры об издании избранных сочинений Бунина на родине. Проект осуществился лишь в 1956 году, уже после его смерти. Однако с этого времени Бунин и впрямь был частично «амнистирован» в СССР.

¹¹ Подразумеваются ремизовские книги мемуарного характера «Подстриженными глазами», «Иверень», «Петербургский буерак», «Кукха», «Ахру» и «Взвихренная Русь».

¹² После окончания второй мировой войны Ремизов, как и многие другие эмигранты, воодушевленные победой русского оружия, взял советский паспорт, надеясь в будущем воссоединиться со своей дочерью, которая осталась в Киеве. Однако Наталья Алексеевна умерла 30 октября 1943 года, во время отступления немцев из города, о чем ее отец узнал только в 1946 году (см. об этом: *Ремизова Н. В.* Огненная память. С. 57—59). После этого он отказался от мысли вернуться на родину. Вместе с тем отношение к Ремизову со стороны не подавлявшей эмоциями части эмиграции резко изменилось. Например, пресеклось общение с соседом по дому и старинным знакомым Н. Н. Евреиновым, и естественно, не только с ним. А в 1947 году как советский подданный он вынужден был выйти из Союза русских писателей и журналистов во Франции.

¹³ Ремизов похоронен вместе со своей женой на кладбище Сен-Женевьев-де-Буа в Париже.

¹⁴ С. П. Ремизова-Довгелло умерла 13 мая 1943 года. См. также прим. 5 к п. 3.

¹⁵ Ремизов и Блок познакомились в 1905 году. К началу 1910-х годов их отношения приняли дружеский характер, оставаясь неизменными вплоть до смерти поэта (подробнее об этом см.: *Блок А. А.* Переписка с А. М. Ремизовым. (1905—1920) / Вступит. статья З. Г. Минц; Publ. и коммент. А. П. Юловой // *Лит. наследство*. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63—142). Реми-

зов посвятил памяти Блока несколько очерков, которые были включены в структуру ряда его автобиографических произведений, в том числе составили седьмой раздел книги «Петербургский буерак» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 321—338).

¹⁶ Горький не был поклонником творчества Ремизова. Когда в 1902 году начинающий писатель прислал ему из Вологды «Плач девушки перед замужеством» и рассказ «Бebка», Горький отнесся к ним весьма отрицательно, однако все же направил ремизовские рукописи Л. Н. Андрееву, который поместил эти произведения в газете «Курьер». Так началась профессиональная карьера Ремизова, о чем он неоднократно вспоминал в своей мемуарной прозе, и в частности наиболее развернуто в книге «Иверень» (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 8: Подстриженными глазами. Иверень. С. 452—456 и др.). Подробнее о взаимоотношениях писателей см.: Крюкова А. А. М. Горький и А. М. Ремизов. (Переписка и вокруг нее) // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 197—212. См. также главы «Три письма Горького» и «Алексей Максимович Горький. 1868—1936» в книге «Петербургский буерак» (Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 276—291).

¹⁷ Ромен Роллан написал предисловие к выполненному Робертом и Зенитой Вивьерами переводу на французский язык повести «Крестовые сестры» (см.: *Remizov A. La maison Bourkov. (Sœurs en croix).* Roman. Paris: Éd. du Pavois, 1946). В свою очередь Ремизов еще в годы революции, работая в Репертуарной секции ТЕО Наркомпроса (см. прим. 2 к п. 34), рецензировал пьесу Роллана «Дантон» для постановки на сцене (сам отзыв см.: Ремизов А. Крашенные рыла. Берлин, 1922. С. 76—78).

¹⁸ Их личное знакомство произошло в 1922 году, когда Ремизов после отъезда из России поселился в Берлине. Тогда же завязалась и переписка, так как Томас Манн был жителем Мюнхена. Он высоко ценил творчество русского писателя и потому принял деятельное участие в судьбе Ремизовых, попавших в число выселяемых из Берлина эмигрантов в начале 1923 года. На страницах апрельского номера журнала «Россия» об этом сообщалось следующее: «В настоящее время Ремизов находится в очень тяжелом положении, т. к. он один из первых попал в список выселяемых из Берлина за его крайним переполнением иностранцев. Заступничество Томаса Манна и целого ряда берлинских изданий, в которых он работает, привело лишь к отсрочке этой высылки на один месяц» (Россия. 1923. № 8. С. 31). Позднее в книге «Мышкина дудочка» Ремизов описал инцидент с немецкими властями и привел адресованное ему в связи с этим письмо Томаса Манна от 31 января 1923 года (см.: Ремизов А. М. Собр. соч. Т. 10: Петербургский буерак. С. 138—140).

¹⁹ Благодаря своему ближайшему другу Л. И. Шестову, в Париже Ремизов познакомился с ведущими французскими интеллектуалами того времени, прежде всего с писателями, группировавшимися вокруг издательства «Plon» и «Gallimard», а также журналов «Mesures» и «La Nouvelle Revue Française», где публиковались в том числе и его произведения в переводах на французский язык. См. об этом, например, в книге «Мышкина дудочка» (Там же. С. 144—148; глава «Гиппопотамы»). Подробнее о контактах Ремизова с французскими литераторами и издательствами см.: Резникова Н. В. Огненная память. С. 118—129.

²⁰ К этому времени вышли в свет следующие ремизовские книги мемуарного характера: «Ахру» (1922), «Кукха» (1923), «Взвихрённая Русь» (1927), «Подстриженными глазами» (1951), «Мышкина дудочка» (1953). Еще три — «Встречи. Петербургский буерак» (1981), «Учитель музыки» (1983) и «Иверень» (1986) — так и не были опубликованы при жизни писателя, хотя большинство глав из этих книг ему удалось напечатать в различных периодических изданиях.

²¹ Покидая Россию в 1921 году, Ремизов разделил свой архив на две части, передав материалы до 1913 года в Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ф. 634), а более поздние — в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН (ф. 256). Этот процесс отчасти продолжался и в 1920-е годы при посредничестве оставшихся в Ленинграде знакомых писателя. После смерти Ремизова в собрание Пушкинского Дома поступил ряд ценных материалов от его наследников, родственников и близких приятелей (подробнее об этом см.: Гречишкин С. С. Архив А. М. Ремизова // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1975 год. Л., 1977. С. 20—45; Грачева А. М. Алексей Ремизов и Пушкинский Дом. (Статья первая. Судьба ремизовского «Музея игрушек») // Русская литература. 1997. № 1. С. 185—215). На протяжении многих лет Ремизов интересовал древнерусскую литературу, прежде всего фигурой пророка Аввакума и повестью XVII века. В последний год своей жизни он вступил в переписку с известным специалистом в данной области, археографом, создателем Древлехранилища Пушкинского Дома В. И. Малышевым (см.: Ремизов А. М. Письма к В. И. Малышеву / Публ. С. С. Гречишкина и А. М. Панченко // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1977 год. Л., 1979. С. 203—215). Эти контакты и подразумевает здесь Сухомлин.

²² Это произошло лишь через двадцать лет. В 1977 году в связи со 100-летием со дня рождения Ремизова московское издательство «Художественная литература» выпустило его однотомник «Избранное» (на титульном листе значится 1978 год), который стал первой книгой писателя, опубликованной в СССР.